

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 16)

Краснодар
2000

Древности Кубани

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно — дарского государственного историко — археологического музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Р. Эрлих БУЛАВКИ С КОЛЬЦЕВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФАРС/КЛАДЫ И ИХ ПОЗДНЕСРУБНЫЕ ПРОТОТИПЫ	4
И.Н. Парусимов ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЫСОЧИНО V	10
М.К. Юрасов СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ КУБАНСКАЯ ПРАРОДИНА ВЕНГРОВ?	22
С.А. Чарный ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА КИЕВСКОГО	26
А.В. Кузьмин "ДВОР" ЗНАТНОГО ГОРОЖАНИНА КАК ИСТОРИКО – ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ РУССКОГО ЛЕТОПИСЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА ..	32
Ю.В. Зеленский ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У ПОЛОВЦЕВ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ ..	39
И.В. Волков ЕЩЕ РАЗ ОБ АДАХУНСКОМ СРАЖЕНИИ КАЗАЧЬЕГО ФЛОТА В 1638 г.	42
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	64

В.Р. Эрлих

БУЛАВКИ С КОЛЬЦЕВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФАРС/КЛАДЫ И ИХ ПОЗДНЕСРУБНЫЕ ПРОТОТИПЫ

В работе, посвященной происхождению птицеголовых скипетров (23) мы обратили внимание на сходство ряда скипетров эпохи поздней бронзы Молдовы и Украины (культуры Ноа и Сабатиновка) тем, которые появляются на Северном Кавказе, а затем и в Средней Европе в предскифский период. Не смотря на имеющийся по существующим хронологическим схемам большой временной разрыв между скипетром из Лозова и из п.35 могильника Фарс в Адыгее, связь между этими изделиями настолько очевидна, что на наш взгляд не позволяет предполагать конвергентное развитие предскифских скипетров. Мы предположили, что в эпоху финальной бронзы в бедных металлом степях эта идея жила и, возможно, реализовывалась в других материалах (23, с.247-249).

Здесь мы бы хотели обратить внимание на имеющийся определенный параллелизм подобной схемы в происхождении редкого в предскифский период на Северном Кавказе типа булавок с кольцевидным навершием.

В двух погребениях могильника Фарс/Клады (п.25, п.26). Были встречены две бронзовые булавки с круглой в сечении иглой, завершающейся овальной петлей, полукруглой в сечении (рис. 1, 2, 10). Длина булавок 10,2 и 10,3 см.

В комплекс погребения 25 могильника Фарс/Клады (впускного погребения N 5 в курган 38 группы "Клады") входил биметаллический кинжал "кабардино-пятигорского типа", относящийся к группе II биметаллических кинжалов с крестовидной рукоятью по схеме С.Л.Дударова (9, с. 41), что соответствует третьему типу этих кинжалов классификации В.И.Козенковой (10, с.48). В составе погребения также имелись бронзовые треугольноконечные удила с литым рифлением типа III-I, и прямые трехпетельчатые псалии типа I-а нашей классификационной схемы (24). Из украшений у погребенного война - всадника в этом погребении имелся массивный бронзовый браслет, а сама булавка была помещена в игольник - пронизку из закрученной спиралью бронзовой ленты. Булавки в игольниках встречаются на Северном Кавказе, например, подобным образом булавка и пронизь сочетались в ящике N 8 Каменноостского могильника в Кабарде (7, с. 132).

В комплекс погребения 26 помимо булавок входили мелкие фрагменты ножа и оселок, что позволяет нам предполагать, что подобные булавки являлись принадлежностью мужского костюма.

Оба погребения были отнесены к ранней ("предновочеркасской") хронологической группе могильника Фарс/Клады, прежде всего в силу архаичности уздечного набора из погребения 25, которая датируется нами в пределах первой половины - третьей четверти VIII в. до н.э. (13). Однако, следует отметить, что такой кинжал как в погребении 25 в комплексе погребения 186 могильника Клинь-Яр III был встречен вместе с ассирийским шлемом и уздой "предклассического" типа I-Г нашей классификации (1). Дата погребения 186 определяется уже в пределах второй половины VIII века. Таким образом, мы можем определить позицию собственно погребения 25 могильника Фарс/Клады временем близким к середине VIII в. до н.э.

Булавки с кольцевидным навершием, которым посвящена эта статья, не имеют синхронных аналогий ни в протомеотских памятниках, ни могильниках кобанской культуры, с которой связано происхождение большей части типов украшений некрополя. Не известны они нам и в степных черногоровских комплексах синхронных ранней группе могильника Фарс/Клады.

В тоже время булавки подобной формы достаточно характерны для юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы. Е.Н. Черных отнес их к типу У-18 своей классификации, он учел 9 экземпляров этого типа (21, с. 128).

Три экземпляра этих булавок происходят с территории культуры Ноа. Это поселение Гиндешты (16, с.39, рис. 12, 2), поселение Магала Черновицкой обл. (19, с. 105, рис. 19,8) и случайная находка из Слободки-Ширеуцы (8, с. 25, рис. 10,4) (рис.2, 10)

Несколько большее количество булавок известно в сабастиновских комплексах.

Это булавки из Солонецкого клада в Херсонской области (рис. 2, 12) Кировского поселения на Керченском полуострове (смешанный сабастиновско-белозерский слой) (рис. 2, 8), случайная находка у Казацких лагерей близь Херсона (рис. 2,9) (22, с. 72, рис.2, 16.), на поселении Анатольевка Одесской области (18, с. 12, рис.4,9), на сабастиновско-белозерском поселении Змиевка (3, с. 29, рис.4, 1). Е.Н. Черных также упоминает находку такой булавки на поселении В. Тарасовка на Нижнем Днепре (21, с.129).

Негативы этих булавок известны на литейных формочках из Солохи (рис. 2,7) (12, с. 148, рис.2, 2) и Завадовки (рис. 2,6) (6, с.107, рис.5,6).

В лесостепной зоне булавки этого типа встречены на белогрудовско-чернолесском поселении Великая Андрусовка Кировоградской обл. (17) (рис.2,10). И.Н.Шарафутдинова также указала на встречу булавок подобного типа в Луговском могильнике высоцкой культуры на Львовщине (22, с.75).

Металл четырех булавок этого типа был проанализирован Е.Н.Черныхом две булавки были отлиты из металла карпато-трансильванской группы, и по одной булавке из выделенной им правобережной и левобережной групп (21, с.128-129).

Исходя из существующей хронологии памятников культуры Сабастиновки и Ноа - XIV-XII в до н.э. между булавками из могильника Фарс/Клады и позднейшими позднесрубными булавками этого типа, даже встреченных в позднесабастиновских поселениях (Анатольевка, Змиевка) или памятниках белозерско-тудоровского типа по (И.Н.Шарафутдиновой) - Кировское поселение, как и в случае с птицеголовыми скипетрами, существует большой хронологический разрыв.

Однако здесь мы можем привести примеры существования формы булавок с кольцевой головкой выполненных из кости, в более позднее белозерское время. Это погребение 2 кургана 10 у с.Сивашовка Херсонской обл. (рис. 2,4) и из к. 193 у Тирасполя (рис. 2,3) (16, 1987, с. 137, рис. 3,7; 5, с.88, рис.37, 19). В Прикарпатье известна такая булавка и из слоя поселения Бошив, которую Л.И. Крушельницкая отнесла к голиградской культуре, датировав X-VIII вв. до н.э. (рис. 2,5) (10, с. 30-37, рис. 9,9).

Это булавки сделанные из косточки животного, эпифиз, которой обработан в виде, уплощенной округлой головки с отверстием. В целом эту форму в обедненной металлом белозерской культуре, можно считать воспроизведением бронзовых сабастиновских булавок с кольцевидным навершием. Костяные булавки этой формы

могут закрывать хронологическую лауну между булавками с кольцевидным навершием типа У-18 и булавками из могильника Фарс.

Следует отметить, что помимо булавки к степным культурам белозерского круга, по всей видимости, следует возводить и керамический репертуар могильника Фарс, состоящий из корчаг и черпаков. Корчаги, характерные лишь для керамического комплекса предгорной группы протомеотских памятников (Фарс, Ясеновая Поляна, Клады) в степи появляются в белозерское время. Истоки лощеных корчаг в памятниках белозерского круга связывают с урнами культуры Гава-Голиграды и Бабадаг (4, с. 47-50; 5 с. 86-87).

С белозерскими черпаками первого типа, выделенного В.П.Ванчуговым (5, с.74-75) можно связывать наиболее ранние формы протомеотских черпаков могильника Фарс, имеющих округлое тулово, иногда цилиндрическое и слабобасирирующееся горло (кубковидная форма) (13).

Таким образом, булавки с петлевидной головкой, как птичеголовые скипетры и керамика, а также роговые псалии близкие по форме древнейшим протомеотским, свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что в сложении протомеотских памятников приняло участие степное население. Продвижение его в Предгорья Северо-западного Кавказа, возможно, связано с общими климатическими изменениями, произошедшими в Степи в самом начале I тыс. до н.э. (13, с. 23), приведшими к резкому (десятикратному) сокращению оседло-земледельческих поселков и вынудивших часть населения перейти к пастушеско-кочевому хозяйству (5, с. 139-140; 2, с. 150-151). В белозерское время исследователи наблюдают общий упадок горно-металлургического производства (21, с. 186; 20, с. 191), скорее всего вызванный резким сокращением поступления сырья, с одной стороны, прекращением (или сокращением) импорта металла из Трансильвании и затуханием функционирования Донецкого горно-металлургического центра (2, с. 145-146). В то же время, белозерское население уже было знакомо с железом. Поэтому гипотеза о проникновении какой-то части степного населения в зоны с более мягким климатом богатыми сырьевыми ресурсами, в частности в Лесостепное Закубанье, куда были принесена традиция всадничества, на наш взгляд, заслуживает большого внимания (14, с. 23-24).

Можно предположить, что это же и население принесло в предгорья Северо-Западного Кавказа и идею булавок с кольцевидным навершием, производство которых возродилось уже на базе местного металлургического очага.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Àdèèìñèèè À.À. È àìíðíño í òyàèdàìèè øèàìà àññèðèèñèìàì òèìà íà Èààèàçà. //* Ñ.À, 1990,4.
2. *Ààðàçàíñèàý Ñ.Ñ., Íòðìùàíè Á.Á., ×àðààíè÷-àíèí Í.Í., Øàðàòòòàèíàà È.Í. Èàüò øù ýíòðè àðííçù íà òàððèèòòèè Õèðàèí. Èèàà, 1986,*
3. *Àòàèèà À.À. Ìñðèàìíý àíòè àðííçù àíèý ñ.Çììàèà //* *ÁÌ ØÐÑÐ, ò.Õ.*
4. *Ààì÷-òàìà Á.Ì. Í òyàèàíèè èíð÷-àà á òàìyòèèàð òìçàíàì àðííçàíàì ààèà Ñààð-ðí-Çàìààííàì Ìðè÷-àðìííòüý. //* *Àðòàíèíàè÷-àñèèà òàìyòèèè Ñààððí-Çàìààííàì Ìðè÷-àðìííòüý. Èèàà, 1982.*
5. *Ààì÷-òàìà Á.Ì. Àèèíçàðñèèà òàìyòèèè á Ñààððí-Çàìààííàì Ìðè÷-àðìííòüà. Èèàà. 1990.*
6. *Ààðøèàìè÷ Ñ.Ì., Èèí÷-èí Á.È. Ñàýçè òèàìàì Ìèàíàì Ìàíàìòìàüý á ýíòðò òìçàíàè*

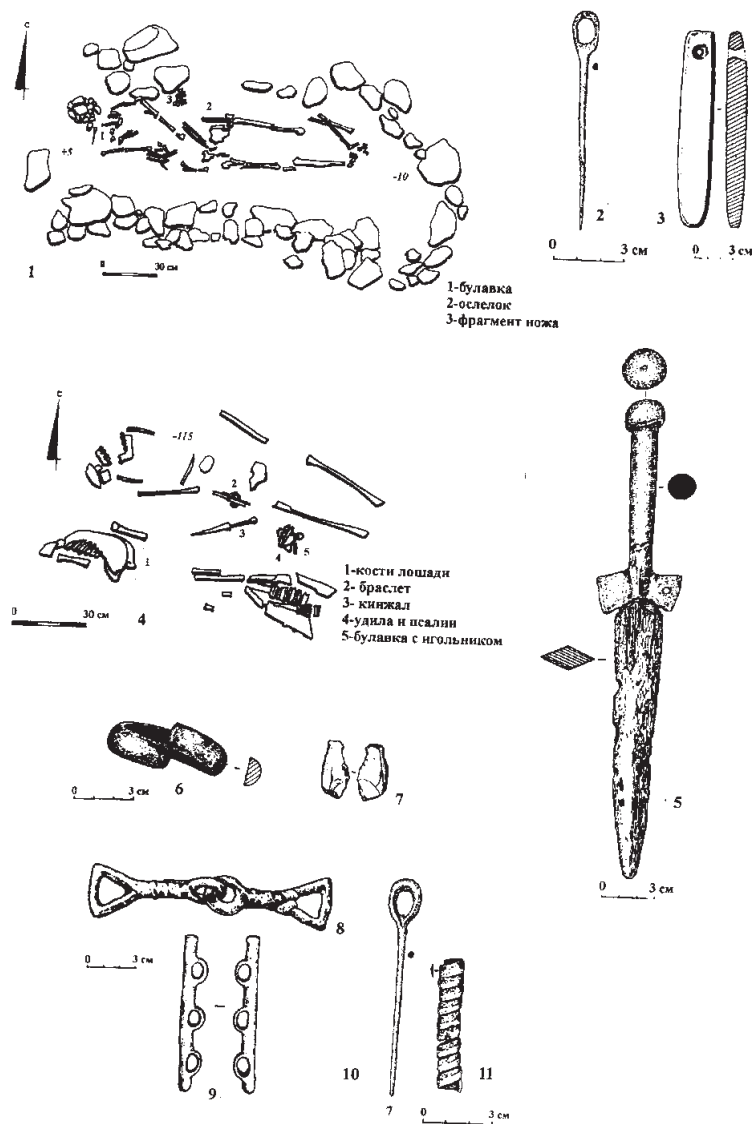

Рис. 1. 3 - Могильник Фарс/Клады, погребение 26. 3-10 - Могильник Фарс/Клады, погребение 25. 2, 6, 8-11 - бронза, 3, 7 - камень, 5 - бронза/железо.

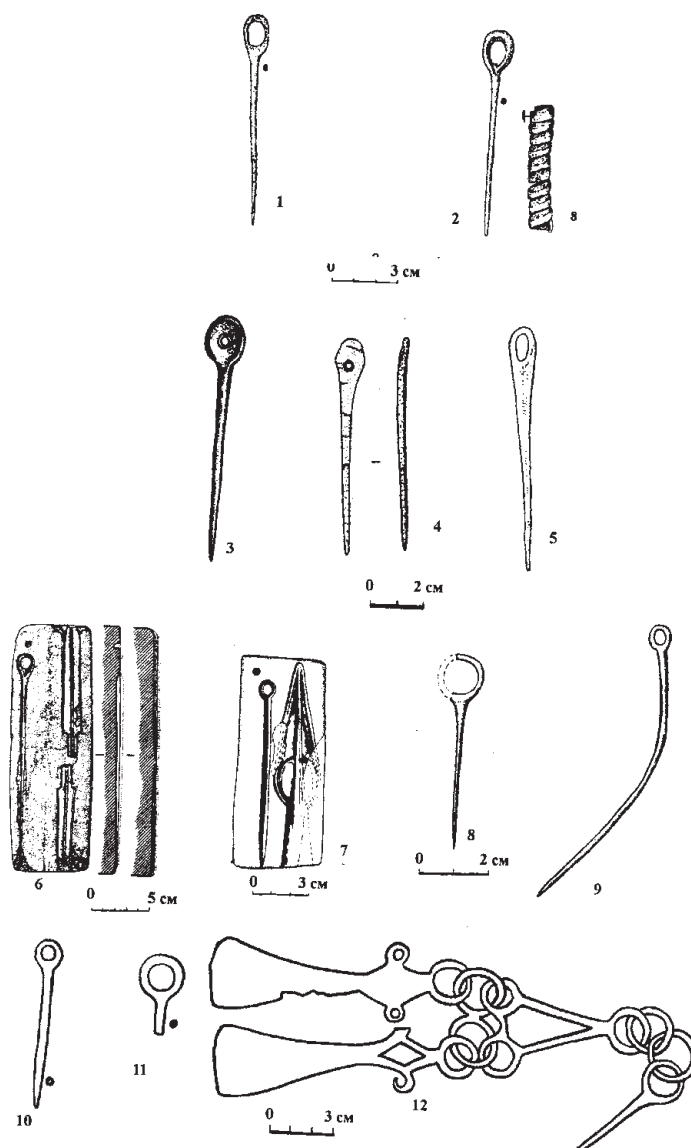

Рис. 2. 1 - Фарс/Клады п.26; 2, - Фарс/Клады, п. 25; 3 -Тирасполь п.193; 4 - Сивашовка, к. 10, п. 5; 4 - пос.Бошив; 6 - Завадовка; 7 - Солоха; 8 - Кировское пос.; 9 - "Казачьи лагеря" ел. находка; 10 - Слободка-Ширеуцы, ел. находка с пос.; 11 - В.Андрусовка; 12 - Солонецкий клад.
1, 2, 7-12 - бронза, 3-5 - кость, 6, 7 - камень.

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЫСОЧИНО V

Курганный могильник Высочино V располагался в 2,5 км к ЮЮЗ от с. Кулешовка Азовского района Ростовской обл. Всего было выявлено и раскопано за 1983-86 гг. Приморским отрядом Азовского музея - 31 насыпь. Исследованная группа являлась небольшим звеном мощного (" 400 курганов) могильника, вытянувшегося по Доно-Кагальницком водоразделу - СЗ-ЮВ.

Курган 4 распахивался, был высотой 0,25 и диаметром 18 м, располагался в СЗ части могильника (1). Могильная яма погребения 1 разрушена грабителями. Рассмотрим вещи найденные в заполнении, которые относятся к скифскому времени: 1. Лепной горшок (рис. 1, 1). Край венчика скруглен. На вогнутом дне отпечатки рубленной соломы. Под венчиком до обжига диаметрально пробиты 2 отверстия. Поверхность охристая. В тесте шамот, песок. Высота 26,6, диаметры: венчика 11,3, наибольший 21, дна 9,5 см; 2. 2 бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника стрел (рис. 1, 2,3), длина 3-3,2 см; 3. Костяной наконечник (?) (рис. 1, 4), длина 2,5 см*. Наконечники стрел имеют аналоги в скифских курганах знати - Деев (" 330 г.), Карагодеуашх (" 350-325 гг.) и др. (2, с. 43).

Курган 10 (рис. 1, 9). Насыпь не распахивалась, совершена над естественным всхолмлением в СЗ части могильника, была высотой 1,1 м (3, с. 5). Вокруг насыпи выкопан ровик, с перемычками в западном и восточном секторах, диаметром 28, шириной до 0,6 и глубиной 1,1-1,3 м**. В западном (З), северном (С) и ЮВ секторах на насыпи и в заполнении рва обнаружены следы тризны: 1. Фрагмент лепного горшка (СЗ) с небольшим валиком под венчиком (рис. 1, 7); 2. В ровике у западной перемычки с юга - плитка песчаника со сточенными поверхностями, 5х15х20,5 см; 3. Еще 3 обломка (З и С) со следами сточенности, 2-2,1х5,6-5,7х7,3-9 см; 4. В заполнении рва (СЗ) бронзовая накладка на основу толщиной до 0,2 см (рис. 1, 6), гвозди свернуты из тонкой пластины и загнуты с обеих сторон; 5. Фрагменты светлоглиняной амфоры (С и З) с примесью слюды в тесте (рис. 1, 5), диаметр венчика (?) - 10,5 см; 6. Фрагменты крупной красноглиняной гераклейской амфоры (С и З) с клеймом на горле - DAROMENEO / ERIEU (рис. 1, 12). Употребление предлога ері перед именем магистрата в гераклейских клеймах появляется к середине 360 г. до н.э., а верхняя граница неясна, т.к. комплексы конца IV и рубежа IV-III вв. до н.э. неизвестны (4, с. 145). В тесте песок, пироксен, известь, коричневые включения; 7. Фрагменты розовоглиняной амфоры (С) со слюдой и коричневыми включениями в тесте (рис. 1, 8), диаметр венчика - 12,5 см; 8. Кости коровы и лошади, фрагменты лепного горшка и обломок песчаника (З). Также в насыпи (ВЮВ) был найден обломок (25х24х36 см) базы под каменную стелу (рис. 1, 10). Блок из ракушечника имел сквозное коническое отверстие. Под насыпью раскопано 2 захоронения второй пол. IV в. до н.э.

Погребение 10 (рис. 1, 16). Гл. 210 см. Глинистый выкид из ямы с подбоем прослежен к югу. Входная яма длиной 290 см - З-В. Вход в погребальную камеру

устроен к северу. Заполнение ямы мешаная глина. В камеру (90х285 см) вела пологая ступенька высотой 73 см. По дну зафиксирован древесный тлен. Погребенный ребенок 10-12 лет лежал вытянуто на спине, головой к западу.

В 20 см к ЗСЗ от головы стоял лепной горшок (рис. 1, 17). Край венчика скруглен. Орнаментирован наколами по горлу и прочерченными линиями по тулову. На дне отпечаток ткани. Поверхность охристо-черная, закопчена. В тесте шамот, выгоревшие частицы, известь. Внутри горшка обнаружена грязно-желтая органика. Высота 23, диаметры: венчика 10,8, наибольший 17, дна 8,8 см. В 40 см к востоку от стоп найдена передняя конечность (от пястных костей) с лопаткой барана. Под последней обнаружен железный нож (рис. 1, 11), цельная костяная рукоять крепилась 2 железными заклепками. Длина сохранившейся части 8 см. У левого бедра найдены втульчатые трехлопастные наконечники стрел: 1. 2 бронзовых длиной 2,7-2,8 см (рис. 1, 14, 15), древко из древесины березы (*Betula* sp.)***; 2. Не менее 4 железных длиной 2,2-2,6 см, древко из древесины тополя (*Populus* sp.).

Погребение 11 (рис. 2, 2). Гл 320 см. Ограблено. Могильная яма была с подбоем, глинистый выкид лежал вокруг нее, мощностью до 50 см. Входная яма разрушена, длиной 270 см - 3-В. Вход в погребальную камеру (190х280 см) устроен к северу, ступенька высотой 48 см. В западной части камеры на подстилке из камыша и коричневого тлена *in situ* сохранились кости рук погребенного мужчины, который лежал вытянуто на спине, головой к западу. Остальные кости найдены в заполнении могилы. Левая височная кость была пробита бронзовым трехлопастным наконечником стрелы (рис. 2, 4), длина 1,9 см. По заключению судмедэкспертов погребенный прожил около месяца.

На древесном тлене к югу от правой руки найдены: 1. Железная ворворка (рис. 2, 6), высота 1,2 см; 2. Остатки сосуда из древесины клена (*Acer* sp.), реставрированного бронзовой спиралью и украшенного золотыми обкладками (рис. 2, 8): - фольга с пуансоным орнаментом, крепившаяся гвоздиками из скрученной фольги; - обрывок фольги с "V"; - пластинка с продавленным орнаментом и пробитыми изнутри отверстиями; - полоски фольги шириной 0,15 см; - спираль из полоски шириной 0,2 см (рис. 2, 7), толщина стенок сосуда до 0,5 см, порядок прошивки - 4-2-1-2-1-3. Часть инвентаря найдена в заполнении: 1. Остатки копья: фрагменты втулки и ромбического в сечении лезвия шириной до 4,2 см, и, вток, в который для расклинивания древка из древесины березы был вбит бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с внутренней втулкой (рис. 2, 1); 2. Не менее 10 железных скоб (рис. 2, 5), ширина 0,4-1,1 и длина 2,7-4,1 см. Скобы были вбиты в деревянную основу толщиной около 1,6 см; 3. Фрагмент лепного горшка с песком и шамотом в тесте; 4. Не менее 16 железных втульчатых трехгранных наконечников стрел длиной до 2,6 см; 5. Фрагмент лезвия железного ножа; 6. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2, 3), длина 2,7 см. Также были встречены кости части туши лошади: левая конечность от предплечья до лопатки с ребрами.

Курган 12 (рис. 2, 11). Распахивался, расположен в СЗ части могильника, был высотой 0,39 и 22х30 м - 3-В (3, с. 5). Глинистый выкид из могилы мощностью до 0,2 и размерами 5х6 м лежал вокруг нее. В насыпи раскопан кольцевой ровик с 5

перемычками шириной 0,3-0,8, диаметр рва около 18, ширина до 1, глубина 1,65-1,78 м.

На дне и в заполнении рва найдены: - фрагменты оранжевоглиняной херсонесской амфоры с клеймом на перегибе ручки - [B]AQL[LOU] / ASTUN[OMOU] (рис. 3, 3). Временные рамки клеймения амфор именем этого астинома - 325-315 гг. до н.э. (5, с. 50,76). Венчик снизу подрезан, здесь же проходит ободок из красной краски. Амфора покрыта светло-желтым ангобом. В тесте песок, известь, пироксен, коричневые включения. Сохранившаяся высота 38, диаметры: венчика 10, наибольший 21 см; - фрагменты красноглиняной амфоры с песком, известью и слюдой в тесте, диаметр венчика 10 см (рис. 2, 14); - фрагменты желтоглиняной амфоры с кубаревидной ножкой (рис. 3, 2). В тесте песок, коричневые включения. Высота 72, диаметры: венчика 11,2, наибольший 44,4, ножки 6,4 см; - фрагменты красноглиняной амфоры аналогичной формы, но с зеленоватым (?) ангобом (рис. 3, 1). В месте перехода в горло красной краской нанесено дипинти "?". В тесте крупный кварцевый песок, слюда, известь. Диаметры: горла 12,8, ножки 6 см. Амфоры были разбиты на стороне и разбросаны в основном в северном и СЗ секторах рва и насыпи; - в северном секторе в заполнении рва встречено 2 обожженных обломка серого песчаника, размером 1,2-2х3,3-4,6х3,7х6,4 см; - в ровике у ЗСЗ перемычки с юга найден округлый фрагмент серого песчаника с одной рабочей стороной, к нему подклеился еще кусок из северного сектора рва (рис. 2, 15), общие размеры 2,4х24,8х25,6 см; - в ССВ секторе - бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы с остатками древка (рис. 2, 12), длина 3,4 см; - в СЗ секторе найден фрагмент лепного горшка; - в ЮЗ и ЮВ отрезках рва и за его пределами в северных секторах насыпи встречены: - в ЮЗ - ближе к северной перемычке кости лошади (плечевая и 2 позвонка, в центре правая половина нижней челюсти, у южной перемычки левая нога (от копыта до берцовой), правая берцовая и левая бедренная); - в ЮВ - в заполнении у северной перемычки кости баранов (скелет взрослой особи без черепа на правом боку, с подогнутыми ногами, позвоночным столбом к СВ, с запада от него обнаружены кости молодой особи, а к СВ - нижняя челюсть и часть хребта молодой и кости взрослой особей (в том числе и череп). Всего было не менее 4-х особей.

Погребение 1 (рис. 2, 13). Гл. 340 см. Катакомба. Входная яма 98х200 см - ВЮВ-ЗСЗ. Дно ямы ступеньками понижается к ВЮВ стенке, в которой устроен вход в погребальную камеру (240х260 см). В заполнении могилы найдены кости взрослого погребенного и инвентарь: 1. Железные втульчатые наконечники стрел: - не менее 23 трехлопастных (рис. 2, 17), длина 2,9-3,8 см; - двухлопастной длиной 3,5 см (рис. 2, 16). В наконечниках обнаружены остатки древков из древесины березы (*Betula sp.*); 2. Железная незамкнутая ворворка высотой 1,1 см; 3. Обожженный обломок плитки песчаника размером 1,6х3,7х38 см.

Погребение 2 (рис. 2, 10). Раскопано у южной перемычки восточного сектора рва. Гл. 166 см. Взрослый погребенный был скорчен на правом боку, головой к СВ. Кисти рук у лица. Погребенный лежит на слое чернозема, выше дна ровика на 12 см.

Курган 24 сооружен в эпоху бронзы, располагался в ЮВ части могильника, высотой 1 и диаметром 44 м (6). Погребение 3 (рис. 3, 4). Совершено в центре насыпи, в

могильной яма с подбоем. Входная яма длиной 305 см - ЮЗ-СВ. Вход в погребальную камеру устроен к СВ. Ступенька высотой 35 см. Подбой 125х310 см. Дно на гл. 231 см. У ступеньки, в центральной ее части, стояли 2 железных топора, лезвиями к ЮВ и СВ: 1. С широким обухом (рис. 3, 6), длиной 20,3, ширина рабочей части 6,5 см. Топорище изготовлено из древесины лиственных пород; 2. С узким чуть расплюснутым обухом (рис. 3, 7), длиной 17, шириной рабочей части 4,6 см. Подбой и ступенька были засыпаны черноземом. С гл. 140 см по задней стенке входной ямы зафиксирован слой камышового тлена с продольным направлением волокон, который также покрывает ступеньку и дно образовавшегося, на гл. 200 см, подбоя. Стебли камыша на дне имели и поперечное направление. Среди остатков камыша прослежены мелкие деревянные плашки и посыпка мелом. В глинистом заполнении входной ямы найдены: 1. Фрагменты срубных горшков; 2. Отщеп серого полупрозрачного кремня, размером 0,3х2,2х2,9 см. Погребенный мужчина 35-40 лет лежал на спине, головой к ЗСЗ. Ноги и руки расставлены.

В 100 см к западу от головы стоял лепной горшок (рис. 3, 5). Край венчика скруглен. У дна чуть выражен рантик. Поверхность охристо-черная. В тесте шамот, слюда, известь. Высота 25,5, диаметры: венчика 12,8, наибольший 22,5, дна 12,8 см. В 40 см к ЗСЗ - встречены части МРС от 2 особей, одна моложе 3,5 лет, другая - старше: - передняя правая нога, включая лопатку и ключицу; - к ЮЗ от нее найден хребет молодой особи; - к ЮЗ от него - правая часть грудной клетки, правая задняя нога, от голени до таза; - здесь же передняя левая нога; - под хребтом залегала левое бедро с тазом****. Под правым бедром найдена округлая галька, размером 5х7х8 см.

Курган 27 (рис. 4, 1). Находился в ЮВ части могильника (6). Высота 0,5 и диаметр " 25 м. Глинистый выкид из могилы мощностью до 0,4 м, располагался полукольцом, с разрывом к востоку. В северном секторе выкида находилась могильная яма. В центре насыпи прослежена грабилровка. Рядом с северным краем могилы на гл. 80 см были найдены остатки тризны (Ситуация I): - разбитая в древности обожженная плитка песчаника толщиной 2,5 см; - фрагменты красноглиняного гончарного кувшина (рис. 4, 4). Дно вогнуто. Край венчика, частично обломанный в древности, скруглен, а место слома зашлифовано. В тесте слюда. Диаметр дна 9,3, сечение ручки 1,3х2 см; - фрагменты лепного горшка (рис. 4, 3). Венчик украшен косыми насечками. На слегка выпуклом дне - отпечатки соломы. Поверхность охристо-серая, закопчена. В тесте шамот, песок, известь, выгоревшие частицы. Диаметры: венчика 25, дна 12 см.

Погребение 2 (рис. 4, 2). Н-видная катакомба. гл. 458 см. Входная яма 140х260 см - С-Ю. Мешаное глинистое заполнение ямы было выбрано грабителями не полностью. Под южной стенкой ямы устьем к СЗ лежал серолощенный сосуд (рис. 4, 14). Дно имеет кольцевой поддон. В хорошо отмоученном тесте песок. Высота 38, диаметры: венчика 11,7, наибольший 28, поддона 11,5 см. Дно ямы понижается к западной стенке, 2 ступеньками (высотой 80 и 40 см) переходит в погребальную камеру. Камера 470х440 см. Стенки прослежены на высоту 130 см. Возможно, что погребенная женщина лежала, головой к югу.

Обрушившийся до ограбления свод завалил под северной стенкой камеры 2

бронзовых литых котла*****: 1. С обломанной в древности ножкой (рис. 5, 2). На скругленном и утолщенном крае венчика расположены 2 петельчатые ручки с грибовидным выступом в верхней части. На месте литейного брака венчик залит металлом. Чуть выше наибольшего диаметра тулово опоясывает валик. Тулово от венчика до валика имеет чуть выраженные каннелюры. Поверхность закопчена. Высота 15, диаметры: венчика 12, наибольший 15,5, объем - 1,9 л; 2. В 30 см к востоку от котелка стоял крупный котел (рис. 5, 1). На нависающем наружу уплощенном крае венчика расположены 2 ручки с 3 выступами. Верх и низ рюмковидной ножки украшены валиками. В придонной части имеются 2 дыры получившиеся при литье - 4-4,5х6,5-7 см. На стенках сохранились следы ремонта - дыры заливались металлом. После утраты заплат, вокруг дырок были пробиты отверстия диаметром 0,4-0,5 см. Затем изнутри, на закрепленные крученым шнуром заплаты из грубой ткани, было намазано смолой. Поверхность закопчена, края шнура обгорели. На тулове также имеются еще 2 дырочки диаметром 0,5-0,6 см с остатками обгоревшего шнура. Высота котла 41, венчик 46х30,5, высота ножки 11 см. Внутри котла обнаружены кости от 3 особей лошади: позвонки, правые лопатка и лучевые, половина таза, одна особь среднерослая, высота в холке 136-144 см.

У южной стенки камеры найдено бронзовое литое зеркало с ручкой (рис. 5, 8). Обратная сторона диска украшена валиком. У обломанного в древности края ручки имеется отверстие диаметром 0,3 см. Диаметр диска 16, длина ручки 9,5 см. Под зеркалом обнаружен кусочек ткани тонкого плетения. С СЗ у зеркала найдены 3 каменные поделки (рис. 4, 9). Усеченно-коническая основа поделок изготовлена из черного камня (?), имеет 7 вертикальных граней, с наклеенными тонкими овальными пластинками: поверх пластинок молочного халцедона, трапециевидных в сечении, наклеены выпуклые пластинки красного сердолика. На широкой части 2 диска, а с противоположной стороны 4 наклеенных круглых дисков, в том же порядке и из тех же камней. На 2 последних дисках из 4, имеются следы сверления, возможно, что пластинки раньше перекрывались и через образовавшееся отверстие подвешивались. Высота 1,2-1,3 см.

На зеркале были найдены: - Бусина из беловатой пористой массы (египетского фаянса?), с покрытием бирюзовой (?) глазурью (рис. 5, 17), длина 1,3, диаметр 0,7 см; - Золотая подвеска с филигранным орнаментом (рис. 5, 10). Изготовлена из согнутой в трубку тонкой пластины. Торцы и середину обхватывают рубчатые проволочные ободки, к которым примыкают пояски ов, из тонкой проволоки. В овах сохранились следы бирюзовой эмали. Трубочка подвешивалась через припаянное проволочное ушко. Длина 2, диаметр 0,5 см; - Проволочная золотая подвеска с подвижным колечком диаметром 0,4 см (рис. 5, 20), размеры 1х1,3 см.

В заполнении могилы найдены кости погребенной и животных (левая таранная овцы, лошадь: ребра, правые плечевая и плюсневая, среднерослая, высота в холке 136-144 см; заяц - правые берцовые от молодой и взрослой особей; остатки инвентаря: - Полая золотая подвеска с проволочным ушком (рис. 4, 13), размером 0,7х1,4 см; - 12 золотых нашивных бляшек в виде ромба (рис. 5, 5), По углам бляшек с лицевой стороны пробито по 4 отверстия, размеры 2,2х3,1-3,6 см; - 2 золотые нашивные

бляшки в виде изображений каменных изваяний, с проволочными петельками в нижней части (рис. 5, 22), размеры 0,5х1,1х4 см. В торцах длинных сторон с лицевой стороны пробито по 3 отверстия; - 12 золотых нашивных бляшек в форме розеток (рис. 5, 21), диаметр 1,8 см. С лицевой стороны пробито по 4 отверстия; - 12 золотых нашивных бляшек в виде личин в головном уборе (рис. 4, 11), размер 2х2 см. С лицевой стороны пробито по 4 отверстия; - 4 золотые полусферы с припаянными изнутри проволочными петельками (рис. 4, 12), диаметр 0,8 см; - 6 золотых нашивных бляшек в виде личин (рис. 4, 11), диаметр 1,1 см. Периметр бляшек украшен грубой псевдозернью. С лицевой стороны пробиты по 2 отверстия; - 9 золотых нашивных бляшек в виде львов с повернутой в фас головой (рис. 4, 8), размеры 1,2х1,8х0,3 см. На всех, кроме одной, глаза и ноздри показаны пробитыми отверстиями. Изнутри пробито по 4 отверстия; - Золотые детали деревянного сосуда: а) Обкладка горизонтальной (?) ручки (рис. 5, 15), размером 0,7х1х5 см. Изготовлена из свернутого в трубку листа, орнаментированного в виде обмотки. Крепилась гвоздиками, сохранившиеся 8 были кованые; б) Спираль из полоски шириной 0,2 см (рис. 5, 13); в) Фрагмент накладки (рис. 4, 7), размер 1,3х3,3 см. Крепилась гвоздиками, из которых сохранилось 3 кованых; г) 6 кованых и 2 скрученных из фольги гвоздиков (рис. 5, 14), длина 0,4-0,6 см; - 2 бронзовых литых колокольчика с утраченными язычками, у одного язычок подвешивался на железной проволоке, высота 2 (рис. 5, 19) и 3 (рис. 5, 9) см; - Скребок из молочного непрозрачного кремня (рис. 4, 6), применялся в виде кресала, размеры 0,8х2,3х2,8 см; - Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 5, 18), длина 3,8 см. Между лопастями имеются рельефные косые крестики; - Фрагмент железного ножа; - 48 костяных пластинок (рис. 5, 11), размеры 0,3х0,4-0,7х1-1,3 см. Торцы косо срезаны. Залегали полосой " 5х15 см; - 2 мелких закопченных обломка плитки песчаника с зашлифованной плоскостью; - Обломок кремневого желвака, размером 1,5х6,5 см; - обломок закопченной гальки, размером 3х4х4 см; - Фрагмент фаянсовой мисочки (рис. 5, 6), изготовленной из серой массы и покрытой желтой глазурью? Высота сохранившейся части 2,3, диаметр венчика 7 см; - Фрагменты алебастрового сосуда; - Стенка светлоглиняной амфоры с известью в тесте; - Фрагменты железа; - Бусина из глухого белого стекла с 6 крупными глазками (рис. 5, 3). В крупных красно-коричневых глазках расположены мелкие темно-синие глазки с желтыми зрачками. Длина 3,3, диаметр 3,7 см; - Стеклянная подвеска в виде птицы (рис. 5, 4), размером 0,9х1,9х2,8 см. Темно-синее тулово опоясывает белая полоска, глаза из чередующихся синих и белых слоев. На спине есть ушко для подвешивания; - Стеклянные бусы яйцевидной и бочонковидной формы с коническими отверстиями: 107 желтых, 10 черных, 6 зеленых, 2 белых и 4 синих (рис. 4, 10), длина 0,2-0,4, диаметр 0,2-0,5 см; - Фрагмент бусины из розового коралла (рис. 5, 12), размером 1,7х0,7 см; - бусина из беловатой пористой массы (египетского фаянса?), покрытая бирюзово-голубой глазурью (рис. 94:1), длина 1,2, диаметр 0,7 см; - Красноглиняный амфориск (рис. 4, 5). В дне имеется отверстие. В хорошо отмученном тесте песок, известь, коричневые включения. Высота 10,5, диаметры: венчика 2,3, наибольший 6 см; - Обломок белемнита длиной 6,5 см; - Коготь медведя.

Погребальный инвентарь погребения 2 кургана 27 находит аналоги в скифских

курганах знати конца III - нач. IV четвертей IV в. до н.э. (Мелитополь-Пятибратний-Чертомлык) (7, с. 149).

Многочисленные аналоги в погребальном обряде и вещевом инвентаре есть в памятниках Скифии, лепная посуда близка скифским материалам Среднего Дона. Население оставившее эти курганы, несомненно, ближе к скифам, чем к меотам и савроматам.

В кургане 30 были раскопаны 2 раннескифских захоронения VI в. до н.э., которые мной рассмотрены в отдельной работе (8).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Погребение скифского времени было разрушено сарматским, а затем оба - грабильной. Т.к. аналогов наконечнику мне не удалось найти, то полной уверенности его к рассматриваемому периоду нет.

** Глубины рва и далее в захоронениях 10 и 11 даны от погребенной почвы

*** Определения Козюменко Е.В.

**** Здесь и далее в тексте определения сделаны доцентом РГПУ Мягковой Ю.Я.

***** В типологии литых котлов савромато-сарматского времени, созданной Демиденко С.В., принята предварительная датировка комплекса. См. Демиденко С.В. Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии, М., 1997. Котелок с обломанной ножкой на рис. 4,8 приведен в искаженном виде. На с. 134 говорится, что "по его тулову проходит "веревочка" Он был изготовлен и употреблялся без поддона."

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Аантæуæ А.Æ. Æð-æð í ðàáíðàð á 1983 á. // Æððæà ÆËÌ.*
2. *Ææðæñááá Á.Ð. Õðííððàððè Ææðíæñêèé Ñêèððè (VII-IV áá. äí í.ý.) // Ææðíððàð. æñ. íà ñêèñ. ó-áí. ñðàííæ áíèðíðà èñòíð. íàóé, ÑÍá, 1996.*
3. *Аантæуæ А.Æ. Ðàáíðò Æðèíðñêèáí òðýàà á 1984 á. // Æðíæ èññæááíæíæ íáááæíáííé Æçíáí-Æííæíé ðððáííæ-ðñêèé ýñíáæððè... á 1984 á. ÕÃ è ñáíè-íàðá Æçíá, 1985. Æððááíæý á èððáíðà 10 è 12 áúèè òððááððèððæííí ààðèðíáá-íú IV-III áá. äí í.ý.*
4. *Ææð-áíèí Í.Á. Æ æíðíñó í æðáííè áúðíááíèý òððæíáá ÆÏ á æððæææñêèè èææíàð // Æðð-ðñêèè àíðíðú. Æðíæáíú ðàçáèððèððáíñèà è òíðáíæè á áíðè-í ñ èððá. Æçá-áí ÑÓ, 1992.*
5. *Ææð Æ.Æ. Ææðáíè-ðñêèè èææíá Õðñí í áñà Õæðð-ðñêèíí // Æçá-áí ÑÓ, 1994.*
6. *Аантæуæ А.Æ., Æððñèíá Æ.Í. Æð-æð í ðàáíðàð Æðèíðñêèáí òðýàà Æçíáñêè-*

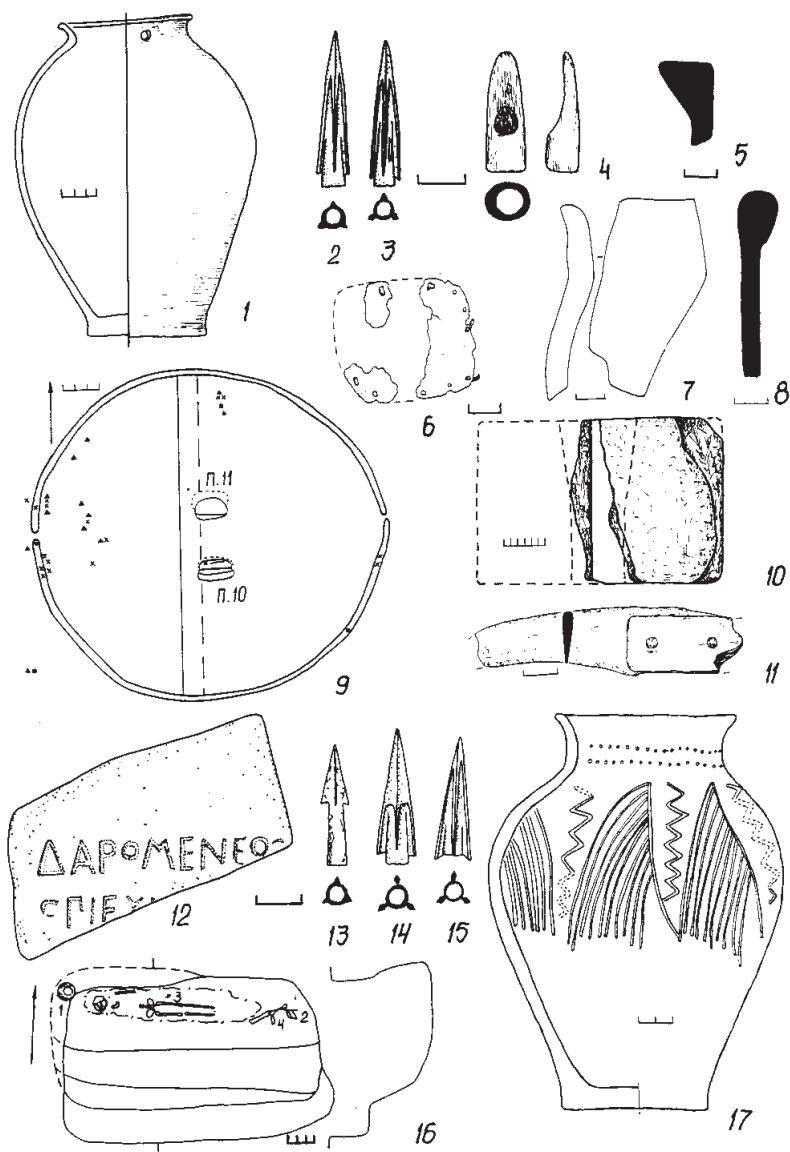

Рис. 1. Высочино V. 1-4. К. 4, п. 1; 5-8, 10, 12. К. 10, насыпь; 9. План к. 10; 13-17. К. 10, п. 10 (1-горшок; 2- к.ж.; 3- наконечники стрел; 4- нож)

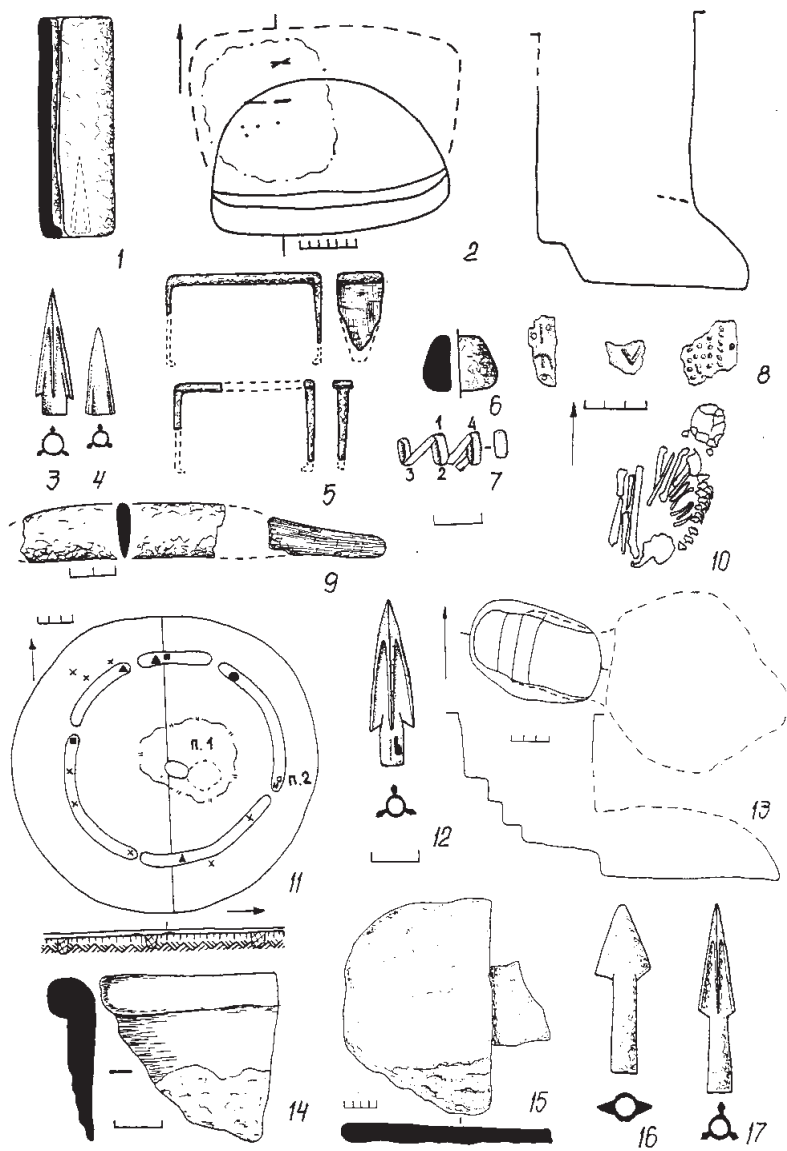

Рис. 2. Высочино V. 1-9. К. 10, п. 11; 10-17. К. 12

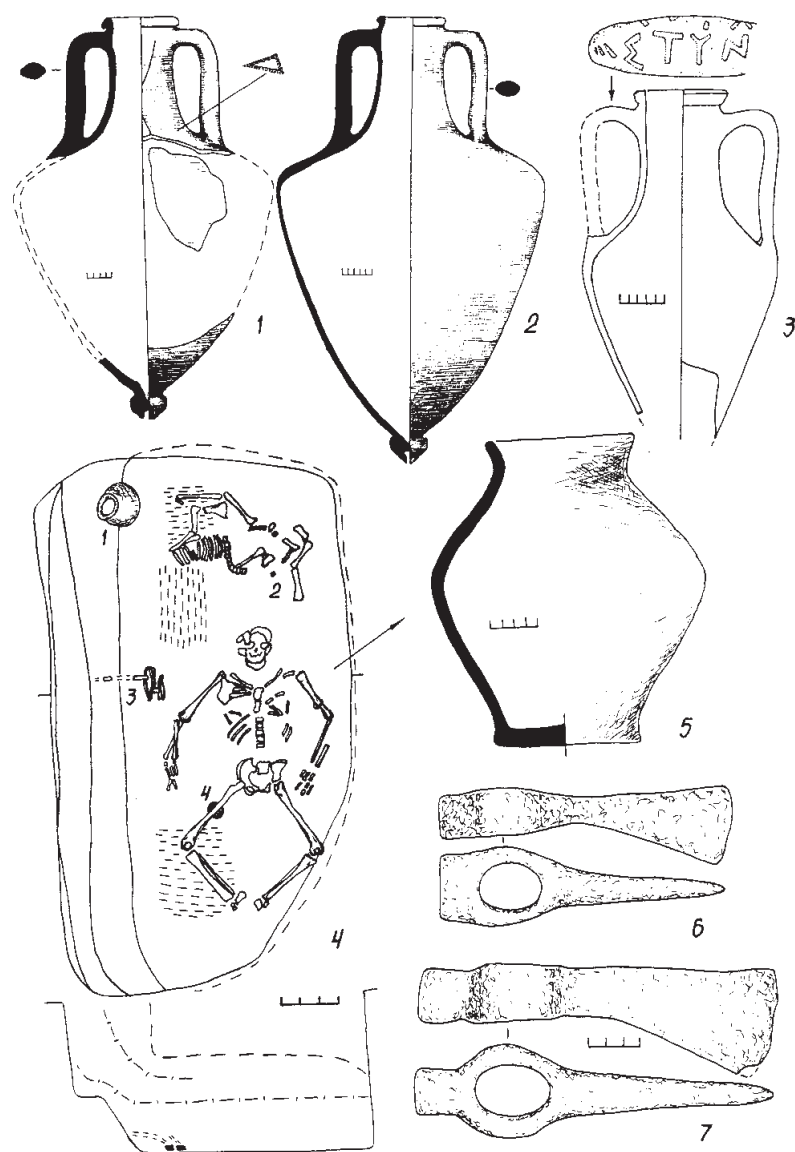

Рис. 3. Высочино V. 1-3. К. 12, насыпь; 4-7. К. 24, п. 3 (1- горшок; 2- к.ж.; 3- топоры; 4- камень)

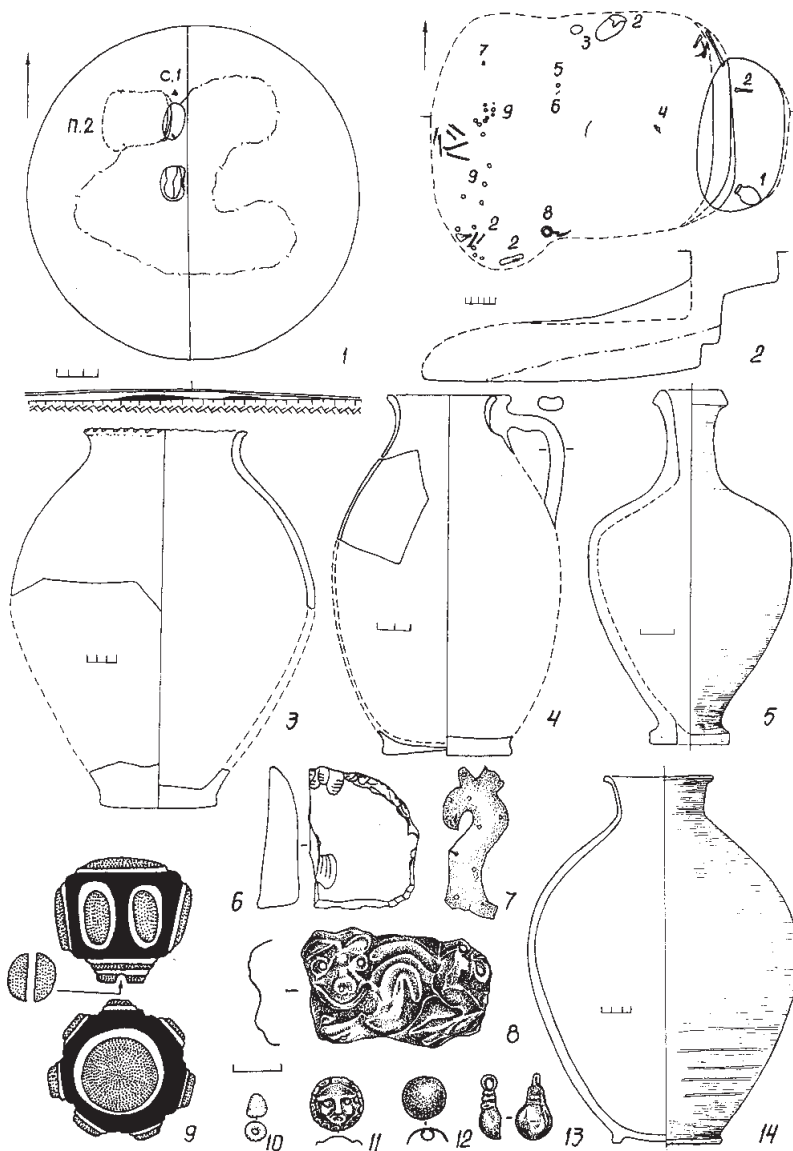

Рис. 4. Высочино V. 1-14. К. 27. 1. План кургана; 2. План п. 2 (1- сосуд; 2- к.ж.; 3- котлы; 4- амфориск; 5- крупная бусина; 6- нож; 7- колокольчик; 8- зеркало); 3,4. Насыпь; 5-14. П. 2

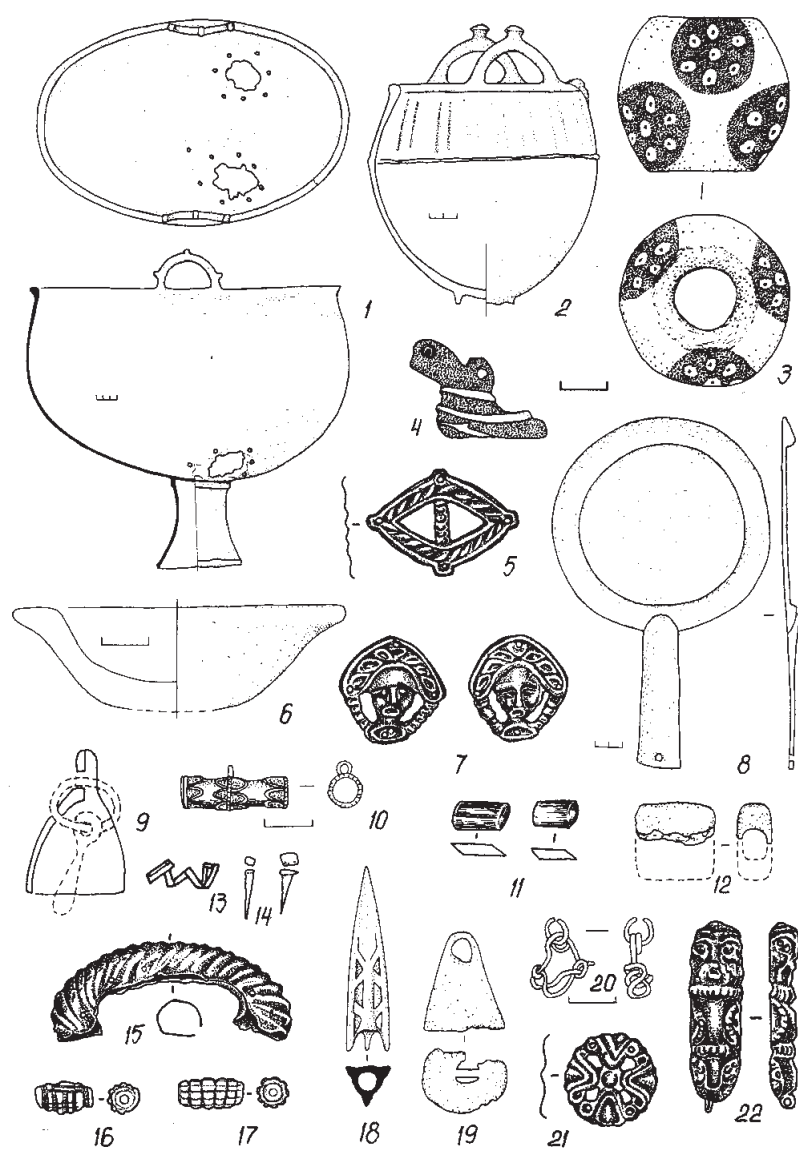

Рис. 5. Высочино V. К. 27, п. 2

- ãî ēðāāāā÷āñēīāî īóçāÿ ā 1986 ā. // Àððēā ÀÊÌ.
7. Õððāíīæēēī À.È., Ĩçīēāāñēēē Á.Í. Ĩēēēðīīēüñēēē ēóðāāí // Êēðā, Íàóēîā-
Áóîēā, 1988.
8. Ĩàðóñēîā È.Í. Ðāíīāñēēðñēēā īāððāāíēÿ èç ēóðāāîā 30 īāēēüîēēā Âññî÷ēî V
// Â ĩā÷àðē.

М.К. Юрасов

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ КУБАНСКАЯ ПРАРОДИНА ВЕНГРОВ?

В ходе постепенной миграции через степную зону Восточноевропейской равнины, занявшей почти весь IX в., древние венгры сменили несколько промежуточных "прародин", по поводу локализации которых во времени и пространстве вот уже более столетия спорят ученые различных стран и прежде всего венгерские историки. Вопрос этот остается открытым, что подтвердили новейшие публикации по данной проблеме, которых было особенно много в 1995 - 1996 гг. в связи с широко отмечавшимся в Венгрии тысячелетием со времени "обретения родины" мадьярами на среднем Дунае.

К этой дате были сделаны новейшие переводы письменных источников, освещающих начальные этапы этногенеза венгерского народа, а также появились статьи, авторы которых вновь попытались воссоздать картину последней миграции древних венгров, следствием которой стал их переход от полукочевого к земледельческому хозяйственно-культурному типу.

На научных конференциях в связи с тысячелетним юбилеем ученые не упоминали о "кубанской прародине", поскольку в Венгрии сейчас уже не осталось специалистов

по древней истории, признающих его существование. Между тем гипотеза о проживании мадьяр в IX в. на Кубани в течении половины столетия считалась одной из наиболее разрабатываемых в венгерской историографии.

Впервые предположение о "кубанской прародине" древних венгров выдвинул в начале XX в. известный немецкий ученый Йозеф Маркварт, которого отличали высочайшая эрудиция в сфере изучения восточных источников раннего и классического средневековья в сочетании с выдвижением порой слишком смелых гипотез, слабо аргументированных конкретным материалом этих источников. В данном случае Маркварт предложил отождествление двух рек, между которыми, по свидетельству Ибн Русте, проживал народ "маджгарийа" с Доном и Кубанью (1).

В период между двумя мировыми войнами, когда Венгрия вновь стала полностью независимым государством, венгерские исследователи попытались придать гипотезе Маркварта статус научной теории и найти новые доказательства пребывания венгерского племенного союза в IX в. в бассейне Кубани.

Первым это сделал Иштван Зичи. Для подкрепления гипотезы Маркварта Зичи привлекает другой арабский источник - отрывок из "Книги путей и стран" Ибн Хордадбега, однако цитирует его по сочинению ал-Идриси, что и стало самым слабым звеном в аргументации венгерского историка.

Речь в данном случае идет об описании экспедиции Саллама ат-Тарджумана ("Переводчика") к стене "йаджудж и маджудж" (Гога и Магога). По приказу халифа ал-Васика ок. 842 - 844 гг. Саллам разыскивал легендарную стену, некогда возведенную Зу-л-Карнайном (Александром Македонским) для защиты от кочевников, беспокоивших с востока его огромную империю.

В дошедшем до нас тексте собственно Ибн Хордадбег не упоминает никаких намёков на встречу Саллама с народом, который можно идентифицировать с древними венграми. Однако этот отрывок неоднократно включался в более поздние мусульманские географические компиляции, в частности в труды ал-Мукаддаси (вторая половина XI в.) и ал-Идриси (1100 - 1165 гг.). Последний, почти дословно воспроизводя рассказ Саллама, помещенный в параграфе 77 сочинения Ибн Хордадбега, добавляет в него некоторые подробности. Так, после фразы "Мы остановились у владыки хазар на одни сутки, чтобы он отправил с нами пять проводников" в исходном тексте Ибн Хордадбега следует: "Мы шли от них 26 дней...", а у ал-Идриси "Мы шли от них 27 дней до пределов земли башкиров (басджирд)" (2).

Последний переводчик книги Ибн Хордадбега на русский язык Наиль Велиханов так комментирует появление этникона "басджирд" в тексте ал-Идриси: "Судя по тексту нашего источника, вряд ли для данного отрывка к месту употреблено последователем Ибн Хордадбега слово "басджирд", ибо Саллам не мог углубиться так далеко к северу. Упоминание здесь башкиров может быть объяснено тем, что некоторые арабские авторы вскоре после смерти Ибн Хордадбега уже не могли с точностью определить местопребывание йаджуджей и маджуджей и с большой вероятностью помещали их страну где-то на севере "между владением кимаков и сакалиба". В качестве примера подобной путаницы Н.Велиханов называет сообщения ал-Истахри (3).

Однако в более поздних мусульманских источниках (XII - XIII вв.) имеет место

путаница в другом плане употребления этникона "басджирд", который стал обозначать не только башкир, но и венгров, как живущих на Волге, найденных монахом Юлианом в 1235 г., так и давно осевших в Среднем Подунавье. Особенно много примеров неопределенностей в употреблении этникона "басджирд" ("башкирт") содержится в известном собрании летописей Рашид-ад-дина, составленном в XIV в. на основе мусульманских исторических сочинений более раннего времени. Здесь порой невозможно понять, с какими именно башкиртами воевали монголо-татары в тот или иной год.

Все это натолкнуло И.Зичи на мысль о том, что Салламу ат-Тарджуману повстречались не башкиры, которые никак не могли находиться на пути из Хазарии к предполагаемой многими исследователями Великой Китайской стене, а именно венгры, тем более, что мадьяры в то время жили где-то в сопредельных с Хазарией степных районах. И.Зичи, в частности, пишет: "В эпоху путешествия Саллама меридиональная граница проживания венгров должна была простирается вдоль Кубани. Горы естественным образом фиксировали восточные пределы этой территории... Дистанция по прямой линии от места пребывания Тархана (владыки хазар - М.Ю.) до (Таманского - М.Ю.) полуострова была 113 географических миль, что да т двадцать шесть (27) дней по четыре мили ежедневно". По мнению Зичи, руины города, до которого добрался Саллам, располагались на берегу Азовского моря (4). "Венгры жили в Западной части закавказской равнины, а хазары в в восточной части - до Каспийского моря", - делает вывод И.Зичи (5).

Однако гипотеза Зичи не нашла поддержки ни у венгерских, ни у зарубежных исследователей. Ознакомившийся с ней по одной из статей И.Зичи, опубликованной в венгерском научном журнале "Korosi Csoma Archivum" И.Ю.Крачковский также признал эту гипотезу несостоятельной (6).

Тем не менее забвение гипотезы Иштвана Зичи отнюдь не означало отказа от теории "кубанской прародины" венгров. Более того, в тридцатые годы уходящего столетия были предприняты попытки оформить гипотезу Й. Маркварта в стройную научную теорию. Первым это сделал академик Дьюла Немет.

В своей книге "Формирование обретающего родину венгерского народа" Немет констатирует, что "венгры ... примерно с 465 по 800 г. жили на территории к востоку от Азовского моря, в районе нижнего течения Кубани и Керченского пролива...

В текстах, идущие от Ибн Русты, которые содержат описание леведийской родины, один неизвестный автор вставил описание другой, более древней, кубанской родины, взятое из какого-то древнего источника. Эту вставку ал-Бакри довольно верно сохранил (возможно, согласно традиции, выписал) Гардизи - или его источник - а возможно, другие источники, и сам он сочинил с использованием полностью искаж нных сведений.

...около 700 г. Равеннский Географ обозначает район Дона и Кубани как родину оногуров" (7). Последние были болгарским племенным союзом, с которым были тесно связаны мадьяры на заключительных этапах Великого переселения народов и от которых они получили сво название в целом ряде европейских языков, в том числе в русском.

По мнению Немета, венгры между 800 и 830 гг. переселились в местность между

Доном и Днепром, где находилась легендарная страна Леведия (8). Таким образом, "кубанский" период древненевенгерской истории предшествовал времени выхода мадьяр из хазарской зависимости, что явилось следствием внутренней анархии, разразившейся в каганате в начале IX в.

Более осторожно подош л к обоснованию концепции о кубанской прародине Т.Халаши Кун: "То, что венгры, оставив Западную Сибирь, подошли к Кавказу и что до начала 800-х годов там и остались, мы не можем доказать историческими записями, однако так много обстоятельств свидетельствуют об их месте жительства там, что мы не можем сомневаться в этом" (9).

Однако время активной разработки "кубанской" теории в венгерской исторической науке оказалось весьма коротким. Уже в 1943 г. востоковед Карой Цегledi высказал мысль о том, что в тексте Ибн Русте, передаваемом также Гардизи, название одной из рек, между которыми жили древние венгры, следует читать не "Куба", а "Дуба". Отсюда Цегledi делает вывод, что речь в данном случае идет не о Кубани, а о Дунае, поскольку между арабскими буквами, передающими звуки "к" и "д" в конце слова разница лишь в точке. К тому же, рядом с мадьярами названные арабские географы помещают народ "н.н.д.р", примыкающий к ромеям (Византии) (10).

Общепризнано, что под народом "н.н.д.р" следует понимать дунайских болгар, что сохранили средневековые венгерские памятники, где болгары фигурируют под этнонимом "нандоры". Таким образом, в данном случае арабские географы очень точно передали ситуацию, сложившуюся в Северном Причерноморье во второй трети IX в.

В 1953 г. Карой Цегledi успешно отстоял свою точку зрения на диспуте, состоявшемся 1 декабря на заседании Венгерского Лингвистического общества. Текст его выступления был опубликован в 1955 г. (11), после чего началось постепенное ослабление позиций сторонников теории "кубанской прародины" (12).

Однако мы не можем полностью исключить возможность пребывания древних венгров на кубанской земле, поскольку подавляющее большинство исследователей как в самой Венгрии, так и за ее пределами признает нахождение по крайней мере какой-то части складывавшегося мадьярского этноса в составе племенного союза огунов в VII в. и, возможно, и в более позднее время, что могло бы стать темой отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. С.30-32.
2. Εἰς Ὁὐδανὰς. Εἰς τὰ ἰοδᾶς ἐν δαί. Ἰᾶδ. ἐ ἐῖ ἰ. Ἰὰ ἐ ἐ Ἀᾶ ἐδὰ ἰ ἰ ἰ. Ἀᾶ ἐ, 1986. Ἰ.130.
3. Ὁὰ ᾶ, Ἰ.334 ἰδᾶ ÷.3.
4. Zichy E. Le voyage de Sallam a la muraille de Gog et Magog //Korosi Csoma Archivum. Budapest. I (1921 - 1925). p. 194.
5. Zichy I. A magyarorszag ostortenete es muveltsege honfoglalasig //A magyar nyelvtu-domanyi kezikonyve. 1.5. Budapest, 1923. 68.l.

6. Éđà-êîâñêé È.Đ. Èçáđ. ñî÷.Ö.4. Ì., 1957. Ñ. 186.
7. Nemeth Gy. *A honfoglalo magyarsag kialakulasa*. Budapest, 1930. 151, 163-164, 182.l.
8. *Op. cit.*, 160.l.
9. Halasi Kun T. *A magyarsag kaukasusi tortenete // A magyarsag ostortenete*. Szerk. Ligeti L. Budapest, 1943. 72.l.
10. Czegledy K. *A magyarsag Del-Oroszországban // A magyarsag ostortenete*. Szerk. Ligeti L. Budapest, 1943. 112.l.
11. *Idem*. *A magyar ostortenet kerdesei*. A Magyar Nyelvtudományi Társaság vitaulese 1953. december 1. // *Nyelvtudományi Ertekezések*. 5.sz. Budapest, 1955. Czegledy Karoly hozzasolasa.
12. Kristo Gy. *Levedi torzsszovetsegetol Szent Istvan allamaig*. Budapest, 1980. 51.l.

С.А. Чарный

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА КИЕВСКОГО

Эпоха становления Древнерусского государства (IX-X в.) была временем господства военной языческой знати (в основном состоявшей из уроженцев Скандинавии). Она добывала средства к существованию за счет набегов на соседей, а также взиманием дани с подвластных славянских и финно-угорских племен, что мало отличалось от набегов. В XI в. такой способ обогащения уже стал считаться предосудительным и был вытеснен на географическую и социальную периферию Киевской Руси (Тмутаракань, галицкие выгонцы, берладники, бродники). Перед своим окончательным уходом на периферию он пережил небывалый расцвет, который оказался весьма недолгим (8 лет) и пришелся на время самостоятельного правления в Киеве великого князя Святослава I (964-972) с его грандиозными походами-набегами. Первым из них был его Восточный поход.

Восточный поход князя Святослава подвел черту под многолетним соперничеством Киевской Руси и Хазарского каганата за гегемонию в Восточной Европе и привел к установлению нового баланса сил в Поволжье, Подонье, на Северном Кавказе и в Крыму. Неудивительно, что этот поход привлек внимание многих исследователей, занимавшихся как историей Киевской Руси и Хазарского каганата (М. И. Артамонов, В. В. Бартольд, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Т. М. Калинина, А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. Н. Сахаров и др.), так и историей Северного Кавказа (А. В. Гадло) и Хорезма (С. А. Толстов)¹. Однако, несмотря на столь большое количество работ, в которых освещается этот вопрос, до сих пор отсутствует единая

точка зрения по таким проблемам, как датировка похода, его маршрут, последствия и т. д.

Большинство исследователей сходятся в том, что основной причиной похода явилось стремление киевского князя ликвидировать весьма обременительное хазарское посредничество в восточной торговле русов, существенно снижавшее доходы купцов и тесно связанной с ними феодальной верхушки Киевской Руси. Исключение составляют Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев и В. Т. Пашуто. По их мнению, целью похода было освобождение Киевской Руси (Л. Н. Гумилев), Черноморской Руси (Г. В. Вернадский) или вятичей (В. Т. Пашуто) от власти хазар². Данная работа попытка ответа на некоторые из спорных вопросов, связанных с Восточным походом.

Источниками по истории Восточного похода Святослава I являются известия Повести временных лет, а также отрывки из Книги облика Земли арабского географа и путешественника X в. Ибн Хаукала.

Описание событий в ПВЛ начинается летописным сообщением под 964 г.: И иде [Святослав] на Оку реку и на Волгу и налезе вятичи и рече вятичемъ: Кому дань даете? Они же реша: Козарамъ по щялягу от рала даемъ. В записи от 965 г. отмечено: Иде Святославъ на козары, слышавше же козары изиидоша противу с княземъ своимъ Каганомъ и съступишася битися и бывше бране, одоле Святославъ козаремъ и градъ ихъ Белу Вежу взя. И ясы победы и касогъ. Под 966 г.: Вятичи победи Святославъ и дань на нихъ възложи.³

В Книге облика Земли упоминается следующее: В Хазарской стороне есть город, называемый Самандар... Я спрашивал об этом городе в Джурджане в (3)58 г. (968-969 гг.)... и сказал тот, кого я спрашивал: Там виноградники или сад такой, что был милостыней для бедных, а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Пришли на него русии, и не осталось в нем ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, представители других религий и идолопоклонники, и ушли они, а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было. И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и свершили свой набег эти [русы] на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар, бургасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абваб (современный Дербент - прим. авт.) и укрепился на нем, а часть их - на острове Сийях-Нух, живущие в страхе (вариант: И пришли русии на все это, и погубили все, что было творением Аллаха на реке Итиль из хазар, болгар и бургасов и овладели ими)... Булгар город небольшой... и опустошили его русы, и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 и отправились тотчас же к стране Рум и Андалус.⁴

При интерпретации источников исследователи разделились на группы. Большинство полагало, что в ПВЛ и в Книге облика Земли речь идет об одном и том же походе, различие же в датах объяснялось тем, что у Ибн Хаукала приведена не дата похода, а год, когда он, находясь в Джурджане, узнал о разгроме Хазарского каганата. Комбинируя данные летописи и Ибн Хаукала, они конструировали следующий маршрут похода: Киев - земля вятичей (Ока и верхняя Волга) - Волжская Булгария - Итиль - Самандар - Кавказская Алания - касоги - Тмутаракань - Саркел (Белая Вежа ПВЛ) на Нижнем Дону.⁵

По мнению А. Н. Сахарова, русы сначала разгромили домен кагана, включавший в себя и Саркел, и лишь затем ушли на Кавказ. Согласно С. П. Толстову, киевский князь спустился по Днепру, обогнул Крым и, подчинив Тмутаракань, поднялся вверх по Дону и занял Саркел, после чего, отправив часть армии вверх по Волге на Булгарию, сам спустился к Итилю. Еще более удивителен поход Святослава в изложении Л. Н. Гумилева: обманув хазарскую армию, якобы ожидавшую его в Днепровско-Донском междуречье (затем эта армия куда-то таинственно исчезает и более исследователем не упоминается), князь спустился по Волге и у Итиля разгромил хазарское ополчение. После взятия Итиля Святослав двинулся к Самандару (Семендеру), (который Л. Н. Гумилев отождествляет с городищем у станицы Гребенской)... по суше, поскольку речные ладьи не годились для плавания по морю. Таким образом, историк полностью проигнорировал факты плавания русов на тех же речных ладьях по Каспийскому морю в IX-XII вв. Затем Л. Н. Гумилев отправляет пешую армию русов напрямик к Саркелу, заставляя ее шагать через безводные калмыцкие степи, никак не объяснив игнорирования русами богатой Тмутаракани.⁶ Датируется этот поход, протяженность которого составила примерно 6000 километров, 965-968 гг. (варианты: 964-967 гг., 965-967 гг.). Главными аргументами против такого маршрута являются неудобство движения по предгорьям Кавказа или калмыцким степям для пешей, в основном, армии, а также его чрезмерная протяженность.

Г. В. Вернадский, Т. М. Калинина и А. П. Новосельцев считают, что походов было два: поход на Саркел и Тмутаракань в 965 г. и поход на Поволжье и Дагестан в 968-969 гг. Ясы ПВЛ отождествляются ими не с кавказскими аланами, а с жившими на Дону родственными аланам асами, которых Г. В. Вернадский помещает на Нижнем Дону⁷. К первому походу относят свидетельства арабских историков Ибн Мискавейха и Ибн-ал-Асира о нападении на Хазарию неких турок, отождествляемых Т. М. Калининой и В. В. Бартольдом с русами, а к походу 968-969 гг. свидетельство Ибн Хаукала и географа Х в. ал-Мукаддаси: Слышал я, что войско из Рума, называемое ар-Рус, напало на хазар и овладело их страной, датируемое 968-969 гг.⁸.

Первое, что обращает на себя внимание - летописец ничего не знает о действиях Святослава в Поволжье и Дагестане, а Ибн Хаукал, в свою очередь, не имеет понятия о походе русов на Саркел, Тмутаракань, касогов и алан. И если молчание летописи еще можно объяснить тем, что к моменту составления летописи Итиль и Самандар... перестали существовать, и поэтому летопись упоминает лишь о Саркеле, ставшем русской Белой Вежей⁹, то молчание современника событий Ибн Хаукала, хорошо знавшего кавказских алан, необъяснимо.

Таким образом, или Ибн Хаукал не знал о походе русов вдоль Кавказского хребта, или же ясы ПВЛ не кавказские аланы, а другой народ.

После 965 г. ясы еще несколько раз упоминаются в Лаврентьевской и Никоновской летописях: в известиях под 1029 г., 1116 г., 1223 г., 1278 г. и 1318 г. В статьях под 1029 и 1223 гг. территория расселения ясов не обозначена. В известиях Никоновской летописи под 1278 и 1318 гг. под именем ясов подразумеваются кавказские аланы (... у града Титякова, Яских гор, на реке Севинце, близ Врат Железных... - т.е. у Дербента либо Дарьяльского ущелья). Лаврентьевская летопись

под 1116 г. сообщает о яском княжестве на Северском Донце, чьи города Шарукан, Сугров и Балин были захвачены войсками русских князей. Один из участников похода 1116 г., сын великого князя киевского Владимира Мономаха Ярополк, взял там в жены дочь яского князя по имени Елена¹⁰.

Племя асиев / асов упоминается в восточных, византийских и хазарских источниках X-XIII вв. отдельно от алан. Согласно археологическим и антропологическим данным (долихокранность черепов), именно с асами / ясами был связан лесостепной вариант так называемой салтово-маяцкой культуры, существовавшей по верховьям Северского Донца, на Осколе и Среднему Дону в VIII-X вв. Северными и северо-восточными соседями ясов были славяне - вятичи и носители боршевской культуры (представители племени, чье имя не попало на страницы ПВЛ). В. В. Седов отождествил это племя с народом сльвию, упомянутым в письме хазарского царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту в числе народов, платящих дань хазарам¹¹.

Что касается информации ПВЛ о подчинении касогов, то, по-видимому, русы подчинили себе лишь западную группу, известную по византийским источникам как зихи, чья территория простиралась почти до самой Тмутаракани. Весьма вероятно, что подчинение зихов и асов было на самом деле военным союзом русов с племенами, враждовавшими с хазарами еще с начала X в.¹².

Исходя из этих предположений, наиболее вероятный маршрут похода 965 г. таков: выйдя из Киева, Святослав прибыл в землю вятичей. Построив здесь лагерь, русы спустились по Дону, подчинив себе асов (или заключив с ними военный союз). У Саркела они разгромили хазарскую армию во главе с каганом, после чего, выйдя в Азовское море, подчинили себе Тмутаракань, зихов и Восточную Таврику. Таким образом, под контроль киевского князя перешел важный отрезок пути из славян в хазары, а обременительные пошлины были, наверное, снижены хазарами после поражения. В это же время с востока на каганат обрушились гузы - те самые турки Ибн Мискавейха и Ибн-ал-Асира. Отождествление их с русами, сделанное Т. М. Калининой и В. В. Бартольдом, представляется неверным, исходя из сказанного выше. Кроме того, восточные авторы хорошо различали гузов и русов. Нет ничего невероятного в том, что гузы, грабившие Хазарию еще в 40-е годы X в., воспользовались разгромом хазарской армии под Саркелом и попытались разграбить богатые хазарские земли Поволжья. Однако, они были отогнаны хорезмийцами, призванными на помощь хазарами.

А. В. Гадло считает, что решительная битва состоялась у Итиля, поскольку армию возглавлял каган, что происходило только в случае крайней опасности, когда враг подходил к столице. Но Ибн Хаукал, на которого ссылается А. В. Гадло, говорит лишь о том, что, когда хазары воюют с язычниками, они выводят кагана, и язычники поклоняются ему и не воюют с ними, то есть данный обряд не был привязан к определенному месту¹³. Следовательно, хазары могли встретить противника во главе с каганом в любом месте, возможно, подальше от столицы, чтобы не подвергать разорению земли собственно Хазарии.

Непродолжительность похода Святослава подтверждается данными византийских авторов, согласно которым великий князь в 966 г. уже находился в Киеве. Лев Диакон

и Скилица датируют посольство Калокира к Святославу периодом после взятия Никифором Фокой Тарса (13 июля 965 г.) и до беспорядков на константинопольском ипподроме (апрель 967 г.). Посольству предшествовала война Византии и русов, о чем упоминает Яхья Антиохийский¹⁴ (предметом спора, как известно, стала Восточная Таврика, занятая русами во время похода на хазар). Таким образом, крайняя дата окончания похода Святослава – 966 г.

Причиной похода 968-969 гг. А. П. Новосельцев и Т. М. Калинина единодушно считают месть хазарам, якобы инициировавшим набег печенегов на Киев в 968 г.¹⁵. Однако более вероятной представляется традиционная версия: организаторами набега были византийцы, имевшие давние связи с печенегами, а не хазары, чьи отношения с печенегами были крайне враждебными. По нашему мнению, Святославу некого было посылать в столь далекий поход на восток, так как он располагал лишь частью своей дружины, приведенной им с Дуная, и местным ополчением, которое не могло оставить Киев из-за печенежской угрозы. Гарнизоны же Саркела и Тмутаракани были слишком слабы для подобного похода. Внимание Святослава уже переключилось на Болгарию, куда он вернулся в 969 г., а в 972 г. по дороге домой был убит печенегами.

Но если в походе 968-969 гг. участвовали не киевские русы, то кем же были русии Ибн Хаукала и ар-рус Мукаддаси? Р. Г. Скрынников предполагает, что это были норманны, привлеченные слухами о богатой и беззащитной стране. Такое отождествление представляется наиболее вероятным. Возражения М. И. Артамонова, согласно которым для второй половины X в. ар-рус – только выходцы из Киевской Руси, опровергаются свидетельством Лиутпранда, епископа Клермонского, старшего современника Святослава, прямо отождествлявшего русов и норманнов: *Habet quippe ab aquilone Hungaros; Pirenacos, Chararos, Rusios, quos alio nos nomine Nordmannos appellamus* ([Византия] имеет с севера венгров., печенегов, хазар, русов, которых мы по-иному называем норманнами).¹⁶

Войско викингов прошло, вероятно, по восточным окраинам Руси и обрушилось на жителей Поволжья и Дагестана. После этого они отправились в Рум и Андалус.

В. Ф. Минорский, Т. М. Калинина и Р. Г. Скрынников полагают, что Ибн Хаукал имел в виду реальный поход в Андалусию, куда норманны, присоединившиеся к армии Святослава, были пропущены Византией по условиям мира 971 г. Однако в ПВЛ речь идет только о пропуске армии Святослава в Киевскую Русь. Без согласия византийцев попасть в Средиземное море было невозможно. К тому же, было бы странно, если бы норманны, прошедшие через черноморские проливы, не попытались разграбить богатые земли Италии и Южной Франции, а поплыли прямо в мусульманскую Испанию. Но западноевропейские хроники после 860 г. не содержат известий о набегах норманнов на Италию и Южную Францию.

Андалус Ибн Хаукала – малоазиатская провинция Византии (Анатолия – Ан-Наталус). Это название самой большой провинции Рума¹⁷ постепенно распространилось на весь полуостров.

На основании приведенных выше фактов, можно сделать следующие выводы:

- 1) В 60-х годах X века состоялось два похода на Хазарию;

2) Первый поход был предпринят в 965 г. киевским князем Святославом Игоревичем. Он проходил по маршруту Киев (или Новгород) - земля вятичей - Саркел - Тмутаракань;

Таковы некоторые соображения автора относительно маршрута и датировки восточных походов Святослава в 60-е годы X века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ἀδοαίῃτῖα ἱ.Ἐ. Ἐνοίδηϋ ὁαῆαδ. Ἐ., 1962. Ἡ. 426-434; Ἀαδοίεῡα Ἀ.Ἀ. Ἀδαάνῃεε ἐῆαῆνοῆϋ ἰ ὁῆαὸ // Ἡ-ἰεῖαῖεϋ. Ὀ.2. ×.2. ἱ., 1963. Ἡ. 795-803; Ἀαδοίεῡα Ἀ.Ἀ. Ἐεαῆῃεῡ Ὀῆου // ἱαδ. ἡ αἰε. Ὀαῆου, 1996. Ἡ. 52-54; Ἀαεῖ Ἀ.Ἀ. Ἀἡοῖ-ῖῡα ἡῖοῖῡ ἡῡοῖῃεῡ // ἱαῖεῡ ἡῡοῖῃε ὁαῖ αἡεῡῖε Ἐἡἡε. Ἐ., 1971. Ἡ. 59-61; Ἀοῖ ἐ εἶἡ Ἐ.ἱ. Ἀαῖῃῡ Ὀῆου ἐ Ἀεεεῡῡ ἡῡῡ. Ἐ., 1989. Ἡ. 211-213, 223; ἱ αε. ἱο Ὀῆῃ ἐ Ἐἡἡε. Ἡ. 1992. Ἡ. 43-45; Ἐεεῖεῖα Ὀ.ἱ. Ἡἡἡῃῡ Ἐῖ Ὀαῖεῡ ἰ ἡῖο αῡ Ὀῆῃ ὁαῖ ἱ ἡῡοῖῃεῡ // Ἀαῖῃεῡ ἡῡῡῡ ἱα ὁαῡὁὁὁὁὁ ἡῡῡ ἡῡῡ, 1975 ἂ. ἱ., 1976. Ἡ. 90-100; ἱῖῖῡῡῡῡ Ἀ.ἱ. Ὀαῡὁὁὁὁ ἡῡῡῡῡ ἱ αῖ ὁῖῡ ἂ ἡῡοῖῃε Ἀἡῡῡ-ῖῖε Ἀαῖῡ ἐ Ἐαεῡῡ. ἱ., 1990. Ἡ. 220-227; ἱαῡὁὁ Ἀ.Ὀ. Ἀῖῡῡῡ ἡῡὁὁὁ Ἀαῖῃε Ὀῆῃ. ἱ., 1968. Ἡ. 93; ἱεῡὁὁὁ ἡ.Ἀ. Ὀαῡὁ. ἱ., 1986. Ἡ. 69-70; Ὀῡῡῡ Ἀ.Ἀ. Ἐεῡῡῡ Ὀῆου ἐ ὁῆῡῡ ἕῖῡῡῡὁὁ Ὀἱ-Ὀἱ ἂ. ἱ., 1993. C. 377; Ἡὁὁὁ Ἀ.ἱ. Ἀεῖῖῡῡ ἡῡῡῡὁὁὁ, ἱ., 1991. C. 94, 94; Ὀῡῡὁὁ ἡ.ἱ. ἱ ἡὁὁὁ ὁὁὁὁὁὁὁὁὁ ὁὁὁὁὁὁ. ἱ.; Ἐ., 1948. C. 250.
2. Ἀδὸ αἰῖῖα ἱ.Ἐ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 426, 434; Ἀαδοίεῡα Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 52; Ἀοῖ ἐ εἶἡ Ἐ.ἱ. Ἀαῖῃῡ Ὀῆου... Ἡ. 211; ἱ ἱ αε. ἱο Ὀῆῃ ἐ Ἐἡἡε. Ἡ. 60; ἱαῡὁὁ Ἀ.Ὀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 93; Ὀῡῡῡ Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 377; ἡὁὁὁ Ἀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 18.
3. ἱῖῖῡὁὁ ὁὁὁὁὁὁ ἕὁ. ἱ.; Ἐ., 1950. ×. 1. Ἡ. 47.
4. Ἐεεῖεῖα Ὀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 91-94.
5. Ἀδοαίῃτῖα ἱ.Ἐ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 426-427; Ἀαδοίεῡα Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 795; Ἀαεῖ Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 59-60; Ἀοῖ ἐ εἶἡ Ἐ.ἱ. Ἀαῖῃῡ Ὀῆου... Ἡ. 223; ἱ αε. ἱο Ὀῆῃ ἐ Ἐἡἡε. Ἡ. 43-45; ἱαῡὁὁ Ἀ.Ὀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 93; Ὀῡῡῡ Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 377; ἡὁὁὁ Ἀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 18, 94; Ὀῡῡὁὁ ἡ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 250.
6. Ἀοῖ ἐ εἶἡ Ἐ.ἱ. Ἀαῖῃῡ Ὀῆου... Ἡ. 211, 213; ἱ αε. ἱο Ὀῆῃ ἐ Ἐἡἡε. Ἡ. 45; ἡὁὁὁ Ἀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 18, 94; Ὀῡῡὁὁ ἡ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 250.
7. Ἀαδοίεῡα Ἀ.Ἀ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 52-54; Ἐεεῖεῖα Ὀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 90-100; ἱῖῖῡῡῡ ὁὁὁ Ἀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 220-227.
8. Ἀῖ-ἂ-Ἀῆδ. ἱαὁὁὁὁὁ ἡ ἡῡοῖῃε Ἀῡὁὁὁὁὁὁ. Ἀἂὁ, 1940. Ἡ. 107-108; Ἐεεῖεῖα Ὀ.ἱ. Ὀεῡ. ἡ ÷. Ἡ. 94.
9. Ἀδοαίῃτῖα ἱ.Ἐ. ἡὁὁὁ - Ἀεῡ Ἀἂα // ἱἘ. ὁ 62. ἱ., 1958. Ἡ. 54.
10. ἱἘ. ἱ. ἱ., 1962. ἡὁ. 291, 312, 504, 525; Ὀ.9. ἡἱ., 1885. Ἡ. 79; Ὀ. 10. Ἡ. 184.
11. Ἀαὁὁὁ-ὁαὁὁὁὁ ἱαὁὁὁὁὁ Ὀὁὁ. Ἐ., 1932. Ἡ. 29, 35; Ἀαἡῡῡ Ἀ.Ἀ. Ἀἡὁὁὁ ἂἡῡ. ἱ., 1993. Ἡ. 6; Ἐἡὁὁὁὁὁὁ Ὀ.ἱ. Ἀἡὁὁὁὁὁὁὁὁ ἱαὁὁὁὁ ὁ ὁαὁὁὁὁ ἡὁὁὁὁὁ // ἱῡὁὁὁ ἡὁὁὁ. ἱ., 1983. Ἡ. 200-236; ἡὁὁ Ἀ.Ἀ. Ἀἡὁὁ-ῖῡὁ ἡὁὁὁ ἂ VI-XIII ἂ., ἱ., 1982. Ἡ. 135, 142.
12. Ἀαὁὁὁὁὁ-ὁαὁὁὁὁ ἱαὁὁὁὁὁ Ὀ ἂ. Ἡ. 123; Ἐἡὁὁὁὁὁ Ἀαὁὁὁὁὁὁ. ἱ ὁὁὁὁὁὁ Ἐἡὁὁὁ. ἱ., 1991. Ἡ. 175.
13. Ἐαὁὁὁ Ἀ.ἱ. ἡὁὁὁὁ ὁὁὁὁὁ ὁὁὁὁὁ Ὀ-Ὀ ἂ. ἱ Ἐαὁὁ. Ἀἡὁὁ, Ἀὁὁ-

- άαέάαίά // Νήϊϊέ. Άύϊ. 38. Όέδέήñ, 1908. Ν. 95.
14. Ęââ Āèâîí. Ęñðîðëÿ. Ĭ., 1988. Ν.35-37,121; Ðîçáí Β.Ā. Ęîîððàðîð Āàñèèèé
«Āîèðððîíáíéðà». CĬá., 1883. Ν. 177-178.
15. Ęàèèíèá Ò.Ĭ. Óèàç. ñî ÷. 93; Ηοòοñðëÿðââ Ā.Ĭ. Óèàç. ñî ÷. Ν. 227.
16. Āðð àîîíîâ Ĭ.Ę. Óèàç. ñî ÷. Ν. 427; Ñêðÿíèèêîâ Ð.Ā. Āíéíÿ Āðâáíâé Ðóñè // ĀĘ.
1995. ¹ 11-12. Ν.36; Liutprandi Antapodosis // MGH SS. Ò.3. Hannoverae, 1839. S.
277.
17. Ęáí Őî ðâðâáðð. Ęíèðð ïóðâé è ñòðáí. Āàéó, 1986. Ν. 97.

А.В. Кузьмин

**"ДВОР" ЗНАТНОГО ГОРОЖАНИНА КАК ИСТОРИКО-
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ РУССКОГО
ЛЕТОПИСЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА**

Среди задач, которые стоят перед учеными, изучающими историю создания и эволюцию текста Повести временных лет (далее ПВЛ), важное место занимают поиски ответов на вопросы: где, когда, кем и почему были написаны каждая в отдельности редакция или список данного источника, а при возможности и статья. Кроме того, по-

прежнему остается актуальной проблема адекватного понимания, прочтения и интерпретации самого текста. Выбор определенных событий был неслучайным, хотя подчас и обусловлен разными причинами. Поэтому при фиксировании этапов летописной работы, тесно связанной с формированием каждого в отдельности произведения, превращаемого исследователем в документ или свидетельство прошлого (1), пристальное внимание, по нашему мнению, стоит уделить рассмотрению авторских комментариев в ПВЛ. Как правило, они имеют характерные черты: можно отметить определенного рода клише или литературные штампы, например, "и до сего дне"; ссылки на источники информации - "и прозваша Ольга - вещи: бяху бо людие погани и невелигаси" (6415 г.), "нача глаголати соль вся речи и нача писецъ писати, глагола сиче" (6479 г.), "темъ и Русь корятся радимичемъ" (6492 г.); историко-топографические комментарии - "идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское" (6406 г.), "и по Десне, и есть село Ольжичи и доселе" (6455 г.), "бе дворъ его идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимеръ" (6491 г.) и т.д. Наши наблюдения в данной работе будут посвящены последним на примере анализа упоминаний в ряде статей ПВЛ дворов киевских жителей под 6390 (882), 6453 (945) и 6576 (1068) гг.

Важность авторских отступлений от канвы основного повествования особенно ярко проявляется при определении времени создания произведения, о котором не всегда прямо сообщает летописец. Впрочем, ценность таких свидетельств, пусть иногда даже косвенных, очевидна, ибо "о предшествующих эпохах мы можем говорить лишь на основании показаний свидетелей" (в нашем случае им служит текст ПВЛ). Французский историк М. Блок остроумно подметил, что ученый в такой момент оказывается в роли "следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором сам он не присутствовал". Отсюда им делался вывод, что "в отличие от познания настоящего, познание прошлого всегда будет "непрямым" (2). Исследователю "в бесконечно разнообразной массе источников", используя для достижения цели свидетельства двух типов: намеренные и ненамеренные, со временем приходится "все больше доверять второй категории свидетельств - свидетельствам невольным" (3).

Возникает вопрос: почему? Сохранившиеся на полях основного текста рукописи или в хозяйственной яме у мастерской ремесленника, обнаруженной археологом, такие "невольные" свидетельства могут представлять собой документ прошлого с заранее "избыточной" информацией. По мнению французского философа М. Фуко, в этом случае документ не остается "неподвижной материей", а преобразуется, давая возможность "реконструировать дела и слова людей" (4). Нам представляется, что историко-топографические комментарии можно рассматривать, как свидетельства прошлого с "избыточной" информацией. Поэтому следует остановиться на их анализе подробнее.

Под 882 г. в ПВЛ отмечается, что после убийства полянских князей Аскольда и Дира "погребоша и на горе". Одна из них, подчеркивает летописец, "ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Ольминъ дворъ". Его владелец построил здесь "церковь святого Николу", другая - "за святою Ориною" (5). Интерпретация данного комментария и

событий, о которых он повествует, различна.

Так, американский историк Г.В. Вернадский полагал, что это - "смутные воспоминания" пребывания в Киеве в IX веке мадьярского вождя Альмуша, управлявшего данной территорией по договору с хазарами. Поздняя топонимика Аскольдовой могилы объяснялась им тем, что здесь якобы находился дворец Альмуша. Этим, по мнению исследователя, объясняется и название горы - Угорское (6).

С таким пониманием текста не согласились русский исследователь В.П. Шушарин и украинский археолог П.П. Толочко. Они приводят ряд аргументов, указывающих на несостоятельность тезиса о господстве венгров на Руси, находящегося, по мысли советских историков, в противоречии и с источниками, повествующими о событиях DC в., и с общей политической ситуацией того времени (7). До работы А. Барта, призвавшего "прекратить попытки вдохнуть жизнь в "агонизирующую теорию"", близкая к Г.В. Вернадскому точка зрения до недавнего времени преобладала и в венгерской историографии. При этом все исследователи ссылались на ПВЛ (8). Кто же из них прав, если отталкиваться в аргументации не только на реконструкцию политического контекста того времени, сделанного на основе данных иностранных источников, но и на интерпретацию информации из текста самого раннего из дошедших памятников древнерусского летописания?

Археологически упоминаемый летописцем район изучен хорошо. Здесь найдено два клада куфических монет. В IX-X вв. вокруг горы сложилось торговое поселение, есть и курганные древности, оставленные славянским населением, но следов пребывания "угров" здесь нет (9). Интересно отметить и местоположение урочища Угорское. Оно находится ниже древнего города по течению р. Днепр, тем временем, как захоронение Дира - на традиционном могильнике славян - в черте Киева (10).

Как установлено отечественными исследователями, в VII-первой трети X вв. восточные славяне зависели от Хазарии. Ее каган, по данным историка Ибн А'сама ал-Куфи, в 737 г. был разбит в бою арабами, которые заодно захватили и его земли. Неудачливый правитель укрылся от мусульман за "Славянской рекой" (Нахр ас-Сакалиба), то есть р. Дон (11), где в VIII-X вв. жила "отдельная территориальная группировка" славян - боршевы (12). Вскоре ситуация для кагана улучшилась. Войска Арабского халифата ушли в Закавказье (13). Но начале X в. из-за принятия иудаизма Хазария вновь переживает упадок. На это время, по крайней мере на 30-60-е гг. IX в. относится возвышение Русского каганата в южном Поднепровье, который абсолютно не зависел от хазар и проводил самостоятельную политику (14).

Полемизируя с Г.В. Вернадским и пытаясь разобраться с частой чередой имен "Ольма" и "Ольга", якобы присутствующих в разных редакциях текста ПВЛ, П.П. Толочко предположил, что "позднейшие составители летописных списков действительно могли спутать эти имена".

Исследователь ищет свидетельств того, "что они последовательно меняли "Ольму" на "Ольгу", а не наоборот" (15).

Проверяя аргументы П.П. Толочко, нетрудно установить, что в приведенных им в качестве примера в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях топоним "Олгин" или "Олжин двор" отсутствует (16). Он упоминается только в близком, но более

позднем по составу и происхождению "Летописце Переяславля Суздальского", известного по списку XV века (17). Возрождая старую гипотезу, выдвинутую еще в XVIII в. В.Н. Татищевым, исследователь утверждает, что "церковь св. Николая действительно была построена (или возобновлена, поскольку не исключено, что еще при Аскольде здесь находилась какая-то часовенка) во времена княжения Ольги". Как полагает П.П. Толочко: "Более подходящей ситуации для этого в Киеве не было с конца IX по конец X в." (18). Однако место данного комментария в системе других, имеющихся в памятнике, ни Г.В. Вернадский, ни П.П. Толочко не проводили. Этим и объясняется такая разная датировка и интерпретация всего лишь одного фрагмента ПВЛ. Между тем, комплексный анализ текста, по нашему мнению, позволяет разрешить имеющиеся противоречия.

Под 945 г. летописец замечает: "Градъ же бе Киевъ, идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бѣше в городе, идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевесище бе вне града, и бе вне града дворъ другой, идеже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею" (19). В качестве ориентира он указывает своему читателю дворы четырех горожан. Очевидно, данных людей в Поднепровье должен был знать, либо слышать о них каждый местный житель (20). Кто же это были?

Первым из них отмечен Гордята. Известно, что он проживал в "аристократической части города" и имел сына Ставке (21). Последнего хорошо знал князь Владимир Всеволодович Мономах. Он упоминает Ставке в своем "Поучении" в связи с событиями конца 1068 - начала 1069 г.: "Посла мя отецъ... паки 2-е к Смолинску со Ставкомъ Скордятичем))" (22). По мнению В.А. Кучкина, "отчество на -ич показывает, что он был боярином". Как полагает исследователь, Ставо в это время уже был опытным боярином, "который представлял интересы действовавшего заодно с Всеволодом Изяславом". Проследивая его судьбу, он отмечает, что "Владимиру и Ставке удалось собрать какую-то дружину. С частью ее Ставо присоединился к Изяславу и ушел с ним... через Берестье в Польшу" (23). С такой интерпретацией источника можно согласиться, но не во всем. В.А. Кучкин не обратил на важное замечание, высказанное ранее Б.А. Рыбаковым. Последний отметил, что сын Гордяты упоминается с уменьшительным именем, то есть он "тоже был еще молод". Свою точку зрения, Б.А. Рыбаков хронологически подтвердил найденным в Софийском соборе Киева граффито, который около 1118 г. "писалъ Ставъръ Городятиничъ" (24).

Вторым в источнике отмечен Никифор - крупный политический деятель, один из авторов так называемой "Правды Ярославичей" (25). В Комиссионном списке этого памятника (Краткая редакция РП) подчеркивается, что Никифор был "Кыянинъ" (26). М.Д. Приселков в специальной работе показал, что "это прибавление при сокращении получиться никак не могло". Оно восходит к списку "Пространной редакции" РП, "где эти имена читались" (27).

Четвертым летописи называют Чудина, происходившего, как полагают некоторые исследователи из племенной знати эстов (28). В рассказе о торжественном перенесении останков князей Бориса и Глеба, состоявшемся 2 мая 1072 г., летописец специально подчеркивает, что Чудин "бе тогда держа Вышегородъ" (29). Данный

эпизод в его биографии отмечен не случайно. В "Сказании о Борисе и Глебе" Вышгород - это "Вѣторый Селоунъ яви ся въ роусьске земли" (30). В "Сказании о чудесах Бориса и Глеба" в рассказе о 4-м чуде на момент перенесения мощей говорится: "Бяше человекъ Вышегороде старейшина оградникомъ*", зовомъ же бяше Жьданъ по Мирьскоуоумоу, а въ хрьдении Никола. И творяше праздньство святоуоумоу Николе по вся лета" (31). Учитывая вышеуказанное, а также свидетельство Краткой редакции РГП, польский исследователь А.В. Поппэ приходит к выводу, что данный круг известий "позволяет отождествлять Ждана-Николая с Микулой Чудином" (32). Известен также его брат Туки, дружинник, приближенный великого князя киевского Изяслава Ярославича, советовавший ему в 1068 г. убить пленного князя Всеслава Полоцкого (33). В 1078 г. "брат Чюдинъ" уже находился на службе у родного брата великого князя - Всеволода Ярославича Черниговского. Он погиб в битве с половцами на реке Сож (34). По мнению, М.Д. Приселкова, Туки пересказал Никону события 1068 г. (35). Известен также сын Чудина. В 1113 г., когда великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах решил обсуждать с дружиной в Берестове свой знаменитый "Уставъ", в числе прочих он пригласил и черниговца "Иванка Чюдиновича - Ольгова моужа" (36).

Таким образом, трое из четырех упомянутых под 945 г. бояр жили, по крайней мере в 60-начале 70-х гг. XI в., причем их деятельность выходила за пределы Киевской земли. Они принадлежали к числу "великих" бояр, юридически известных уже в середине XI в. (37). Такие знатные люди, безусловно, были хорошо известны и летописцу, и его потенциальным читателям.

Хронологически наиболее четко прослеживается авторская рука в летописной статье за 1068 г. Летописец рассказывает о вече в Киеве, где обсуждалась ситуация, сложившаяся после поражения Ярославичей в битве с половцами. Из-за отказа великого князя Изяслава I выдать киевлянам оружие для отпора нападения кочевников, "начаша люди его корити на воеводу на Коснячка; идоша на гору, съ веча, и придоша на дворъ Коснячковъ" (38). Как и в предыдущем фрагменте, автор выбирает в качестве ориентира для своего читателя двор знатного горожанина, также находившегося на горе, как и двор Ольмы. Коснячко упоминается и позднее. Как "муж" великого князя Изяслава I Ярославича, около 1072 г. он участвует в разработке статьи к "Правде Ярославичей", запрещавшей кровную месть (39).

Возвращаясь к событиям 1068 г., отметим, что когда киевляне "не обретше" Коснячка, то они "сташа двора Брячиславля" (40). Упоминание двора этого горожанина интерпретируется по-разному. Одни категорично заявляют, что он принадлежал полоцкому князю Брячиславу, отцу Всеслава (41), другие относятся к такой трактовке источника более осторожно (42). Единственным аргументом в пользу такого отождествления является сходство имен. Однако отметим, что князь Брячислав Изяславич умер в 1044 г. (43). Известные на сегодняшний момент источники не знают ни одного случая его пребывания в Киеве, да и двор Брячислава как княжеский не упоминается. По-видимому, как и прочие, он мог принадлежать какому-то знатному киевляну.

Приведенные выше историко-топографические комментарии объединяет одно: в них говорится о дворах знатных горожан Киева 60-70-х гг. XI в., расположенных на

горах. Все это указывает в пользу того, что сообщение об Ольме и постройке им церкви в честь св. Николая, активно почитавшегося в боярской среде в XI в. (можно вспомнить пример с Чудином), также относится к данному времени. Отсутствие комплексного анализа текста ПВЛ привело Г.В. Вернадского и П.П. Толочко к неверному пониманию источника, а в дальнейшем - к ошибочной реконструкции истории древнего Киева.

В заключении стоит отметить, что анализ биографии игумена Никона, жившего долгое время в Киево-Печерском монастыре и Тмутаракани, позволило М.Д. Приселкову сделать весьма обоснованный вывод о нем, как авторе летописных статей за 1061-1073 гг. (44). Таким образом, характерные комментарии, где в качестве ориентира выбирались дворы бояр, находившихся на горе, указывают и на другие статьи ПВЛ, в создании которых, по-видимому мог участвовать и Никон.

Интересно отметить, что в XII в. отмечаются дворы тысяцкого Путяты Вышатича, соцких и "Жидовъ" под 1113 г.; двор боярина Борислава под 1151г. (45) и др. Однако в этот период времени они уже не являются главными ориентирами. Летописцы теперь выделяют в своем повествовании не дворы знатных людей, а церкви и городские ворота, хорошо заметные при более плотной застройке Киева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Óóēī Ī. Āððāīēīāēy çíàíēy / Īāð. ñ òð. Ēēāā, 1996. С. 1.*
2. *Āēīē Ī. Āīēīāēy ēñòīðēē ēēē ðāīāñēī ēñòīðēēā / Īāð. ñ òð. Ī., 1973. Ñ.30.*
3. *Òàī æā. Ñ.36.*
4. *Óóēī Ī. Óēāç. ñī÷. Ñ. 10.*
5. *ĪÑÐĒ. Ò. I. Āūī. I. Ī., 1997. Ñòā. 23, ē.8; Ñī. òā ē æā: Ò. II. Ī., 1998. Ñòā. 16-17, ē.9 ĭ ā; Ò. XXXVIII. Ē., 1989. Ñ.17, ē.11; Ò. XXXIX. Ī., 1994. Ñ.10, ē.9; ĪĪĒ. Ī.; Ē., 1950. Ñ.107, 434, 514.*
6. *Vernadsky G. Ancient Russia. New Howen, 1943. P.332; Idem. Kievan Russia. New Hawen, 1951. P.24.*
7. *Øóøàðēī Ā.Ī. Ðóññēī-āāíāðñēēā òííøāíēy ā IX āāēā // Īāæāóíāðíāíūā ñāyçē Ðññēē āī XVII āāēā: Ñāíðíēē ñòàðāē / Ðāā. ēī ē. Ā.Ā. Çēīēī; Ā.Ò. Īāøóðī. Ī., 1961. Ñ.131-179; Īī æā. Ñīāðāíāíāy áóðæóāçíāy ēñòīðēīāðāðēy āðāāíāē Ðóññē. Ī., 1964. Ñ.268; Īī æā. "Ðóðāíē" // Īāðāçíāíāēā āðāāíāðóññēīāī āīñóāāðñòāā. Ñīīðíūā īðíāēāū. ×ðāíēy òāíyðē Ā.Ò. Īāøóðī: Òāçēñū āīēēāāīā. Ī., 1992. Ñ.73; Īī æā. Ðāííēē yòāī yóíē÷āñēīē ēñòīðēē āāíāðíā: Īð íāēāíū yóíē÷āñēīā ñāíí çíāíēy. Ī., 1997. Ñ.54-58, 111; Òī ēī ēī Ī.Ī. Āðāíāyū Ðóññē. Ēēāā, 1987. Ñ.62-63. Ñīāēāñīī īñēāāíēī āððāíēīāē÷āñēēī ēññēāāíāíēyī Ēēāā āíçíēē íā ðāíāā VIII-IO āāēā (Ñī. íā yòñ ā ðāííðāð: Øāñēīēūñēēē Ē.Ī. Ēīāāā æāāíçíēē āíðíā Ēēāā? // Ēóēūò óðā ñðāíāāāēīāīē Ðóññē: Ñāíðíēē ñòàðāē. Īñāyūāāðñy 70-ēāðēð Ī.Ē. Ēāðāāðā / Īòā. ðāā. Ā.Ī. Ēēðíē÷íēēīā ē Ī.Ā. Ðāííííðò. Ē., 1974. Ñ.10-11; Āāøēāāē÷ß.Ð. Āíçíēēíāāíēā āíðíāíā Þāī-Çāíāāííē Ðóññē. Ēñòí÷íēē ē ñīāðāíāíāy òēóíēīāēçāðēy // ×ðāíēy òāíyðē Ā.Ā. Ēīāðēíā. Īðíāēāíū òā÷āñāāííē ēñòīðēē ē ēóēūóóðū íāðēíāā ðāíāāēēçíā: Òāçēñū āīēēāāíā ē ñīāūāíēē / Īòā. ðāā. Ā.Ā. Īóðāāūāā. Ī., 1992. Ñ.51-52.*
8. *Þðāñā Ī.Ē. "Īēíēī āāīð" ē "Āíðā Óāíðūñēāy" ā çāðóáāííē ēñòīðēíāðāðēē // Īāðāçíāíāēā āðāāíāðóññēīāī āīñóāāðñòāā. Ñ.77-79.*

9. *Iðððààēī* *Ā.Ā.* *Ēððīēñīfā* *iððāāīēā* *ī* *çàðāàðā ēīyçāi* *īēðāīī* *Ēēðāā* *ā* *882 āīāó* // *Òāi* *æā.* *Ń.58*; *Ōīēī÷ēī* *Ī.Ī.* *Āððāīāððóññēēē* *ðāīāāēūīūē* *āīðīā.* *Ēēðā,* *1989.* *Ń.44-47.*
10. *Ōīēī÷ēī* *ĀĒ.* *Ēīyçū* *ā* *Āððāīāē* *Đóñū:* *āēāñōū,* *ñīāñðāāīññōū,* *ēāāīēīāēy.* *Ēēðā,* *1992.* *Ń.21.*
11. *Ńāðāðīā* *Ā.Ī.* *"Āīñðī÷īūē* *ðāēðīð"* *ē* *çàðīæ* *āāīēā* *āððāīāððóññēēē* *āēīēīīāðēē* *(X-iððāāy* *īīēīāēīā* *Ō ā.)* // *Ēñðīðēy* *ŃŃŃĐ.* *1980.* *¹ 1.* *Ń.29-33.*
12. *Ē.Ē.* *Ēyīóøēēī* *īðīæāðñðāēyē* *īīñēððēāē* *āīððāāñēīē* *ēóēūðóðū* *ñ* *"ñēūēpī",* *óīīēīāpūēīēñy* *ā* *īēñūīā* *ðāçàðñēīāī* *ēāðāīā* *Ēīñēðā* *(Ńī,* *īīðīāīāā* *ā* *ēī.: Ńā-āīā* *Ā.Ā.* *Āīñðī÷īūā* *ñēāāyīā* *ā* *VI-ŌIII āā.* *Ī.,* *1982.* *Ń.140-143).*
13. *Ńāðāðīā* *Ā.Ī.* *Ōēāç.* *ñī÷.* *Ń. 33.*
14. *Ńāðāðīā* *Ā.Ī.* *Ōēāç.* *ñī÷.;* *Ńāāīā* *Ā.Ā.* *Đóññēēē* *ēāðāīāð* *IX āāēā* // *Īðā÷āñðāāīāy* *ēñðīðēy.* *1998.* *¹⁴ Ń.3-15.*
15. *Ōīēī÷ēī* *Ī.Ī.* *Āððāīy* *Đóñū.* *Ń.62.*
16. *...īðāīðūñēīā...īūā* *īēūīēīū* *āāīðū"* *(ĪŃĐĒ.* *T.Ī.* *Āūī.1.* *Ńðā.* *23,* *ē.8;* *Ō.ŌŌŌVIIIŃ.* *17,* *ē.11).*
17. *"...ēāðā* *īūā* *īēāēī* *āāīðū,* *ē* *īā* *ðīē* *īīāēēā* *īīñðāāēøā* *ðāðēīāū* *Ńāyðōīāī* *īēēī-ēó"* *(ĪŃĐĒ.* *Ō. XXXXI.* *M.,1995.* *C.9,* *ē.484).*
18. *Ōīēī÷ēī* *Ī.Ī.* *Ōēāç.* *ñī÷.* *Ń.63.*
19. *ĪŃĐĒ.* *Ō. Ī.* *Āūī. Ī.* *Ńðā.* *55,* *ē.15;* *Ńī.* *ðāē* *æā:Ō.Ī.* *Ńðā.* *44,* *ē.22;* *ĪĪĒ.* *C.Ī* *10-111,* *ē.32-32* *īā.*
20. *Īðēñāēēīā* *Ī.Ā.* *Ēñðīðēy* *ðóññēīāī* *ēððīēñāīēy* *XI-XV āā.* *ŃĪā.,* *1996.* *Ń.53.*
21. *Đúāāēīā* *Ā.Ā.* *Đóññēāy* *yīēāðāðēēā* *Ō-ŌIV āā.* *(ñīñðīyīēā,* *āīçīīæīīñðē,* *çāāā÷ē)* // */Đúāāēīā* *Ā.Ā.* *Ēç* *ēñðīðēē* *ēóēūðóðū* *āðāīāē* *Đóñē.* *Ēññēāāīāīēy* *ē* *çāīāðēē.* *Ī.,* *1984.* *Ń.56.*
22. *ĪŃĐĒ.* *Ō. Ī.* *Āūī. Ī.* *Ńðā.* *247.*
23. *Éó÷ēēī* *Ā.Ā.* *"Ńēīāī* *ī* *īīēó* *Ēāīðāāā"* *ē* *īāæ* *āóēīyæāñēēā* *īðīīðāīēy* *60-ð* *āīāīā* *XI āāēā* // *Āīīðīñū* *ēñðīðēē.* *1985.* *¹ 11.* *Ń.30-31.*
24. *Đúāāēīā* *Ā.Ā.* *Ōēāç.* *ñī÷.* *Ń.57-58,* *ðēñ.7.*
25. *Īðāāā* *Đóññēāy.* *Ō. Ō.* *Ōāēñēīēēūīīā* *ēçāāīēā.* *Ī.,* *1963.* *Ń.43,* *ē. 332;* *Ń.76,* *ē. 615* *ē* *āð.*
26. *ĪĪĒ,* *Ń. 177,* *ē. 81.*
27. *Īðēñāēēīā* *Ī.Ā.* *Çāāā÷ē* *ē* *īóðē* *āāēūīāēøāāī* *ēçó÷āīēy* *"Đóññēīē* *Īðāāāū"* *(Īī* *īīāīāó* *āūðīāā* *āēāāīē÷āñēīē* *"Īðāāāū* *Đóññēīē"* *īīā* *ðāāāēðēāē* *āēāāīēēā* *Ā.Ā.* *Āðāēīā.* *Ī. - Ē.,* *1940)* // *Ēñðīðē÷āñēēā* *çāīēñēē.* *1945.* *T.XVI.* *Ń.243,*
28. *Ōāñēīēūñēēē* *Ē.Ī.* *Āīðūāā* *Đóñē* *īðīðēā* *ēðāñðīīñīīē* *āāðāññēē* *īā* *āāðāāðō* *Āāē-ðēēē* *ā* *ŌII-ŌIII āā.* *Ē.,1978.* *Ń.17.*
29. *ĪŃĐĒ.* *Ō. Ī.* *Āūī. Ī.* *Ńðā.* *182;* *Ō.Ī.* *Ńðā.* *172;* *ĪĪĒ.* *Ń.197.*
30. *Revelli G.* *Monument! letterari su Boris e Gleb.* *Genowa,* *1993.* *P. 405.* *31.Ibid.P.514,comm.34*.*
32. *Īīīy* *Ā. Ā.* *Ī* *çàðīæ* *āāīēē* *ēóēūð* *ā* *ñāā.* *Āīðēñā* *ē* *Āēāāā* *ē* *ī* *īīñāy* *ūāīīūī* *ēī* *īðīēçāāāīēyī* // *Russia medievahs.* *Ō. VIII. 1.* *Munchen,* *1995.* *Đ.47.*
33. *ĪŃĐĒ.* *Ō. Ī.* *Āūī. Ī.* *Ńðā.* *171;* *Ō. Ī.* *Ńðā.* *160;* *ĪĪĒ.* *Ń. 189.*
34. *Òāi* *æā.* *Ō. Ī.* *Āūī. Ī.* *Ńðā.* *200;* *Ō. Ī.* *Ńðā.* *191.*
35. *Īðēñāēēīā* *Ī.Ā.* *Ēñðīðēy* *ðóññēīāī* *ēððīēñāīēy* *XI-XV āā.* *Ń. 70.*
36. *Īðāāā* *Đóññēāy.* *Ō. III.* *Ń. 43,* *ē. 332.*
37. *Ńāðāēīā* *Ī.Ā.* *Ńðāīāēāīēā* *ðāīāāēēçīā* *ā* *ñēāāyīñēēð* *ñððāīāð.* *ŃĪā.,* *1997.* *Ń.*

- 280.
38. *ЇНДЄ. Ȯ. I. Âũ. I. Nđá. 171, ẽ. 57 íá.; Nì. òàêæå: Ȯ. II. Nđá. 160, ẽ. 63 íá.*
39. *Íðàääà Ðóññèäÿ. Ȯ. Ø. N. 43, ẽ. 332; 76, ẽ. 615 íá. (Nèííäèüíúé I ñìèñî 1282 ä.); 105, ẽ. 402 (Ííäíðíäñêí-Níðèéñêéé ñìèñî 1460-ð ää.); 125-126, ẽ. 676-676 íá. (Ðíäíæñêéé [Êäíðäñêéé] ñìèñî 1-íé üë. XVI ä.); 154, ẽ. 136 íá. (Ïÿñíèèíäñêéé ñìèñî, üñêä 1415 ä.); 180, ẽ. 609 íá. (Ðíçáíéäíðíäñêéé ñìèñî 1480-1490-ð ää.) è äð. Nð. ñí ñðàðüÿè è Êñìèññèííó ñìèñó Ííäíðíäñêíé íäðáíé èäóíèèè èääøäáí èçáíäà (ÍË. N. 489, ẽ. 279 íá.).*
40. *ЇНДЄ. Ȯ. I. Âũ. I. Nđá. 171, ẽ. 57 íá.; Nì. òàêæå: Ȯ. II. Nđá. 160, ẽ. 63 íá.*
41. *Ðäñä Í. Í. Êíÿæñêéä äèäáíèÿ íà Ðóññè ä Ȯ-íäðáíé üëíäíä Ȯ III ä. Í., 1977. N. 220.*
42. *Ðúáäèíä Á. Á. Êèäñèäÿ Ðóññè è ðóññèèä êíÿæñèðä Ȯ II-Ȯ III ää. 2-ä èçä., äñ. Í., 1993. N. 441.*
43. *ЇНДЄ. Ȯ. I. Âũ. I. Nđá. 155; Ȯ. I. Nđá. 143.*
44. *Íðèñäèèíä Í. Á. Óèàç. ñí÷. 67-70. Íðíæäñðäèíèä Í. Á. Íðèñäèèíä è Á. Á. Êäðäøíäü èððííèèèè èèèäèíä ñ èçäñðíü ñíäðí Êèäáí-Íä÷äñèíäí ñíäñðüÿ Íèèíí ñððääðð íäðÿèèè (Ȯñíé Á., íðíðèèððé. Íð èðäüä-íèÿ Ðóññè äí íäðñðäèÿ Áäðü // Áñðíñü èñðíðèè. 1991. ¹ 4-5. N. 38).*
45. *ЇНДЄ. Ȯ. I. Nđá. 11 S-116, 427 (Áäíð ïðèíäèèäè äè äíÿðèíó Áíðèñèäðó, íððó èçäñðííäí ñçáíää èèäñèíäí ðñÿðèíäí è äíÿðèíä Íäððä Áíðèñèäè÷ä, ñèó-æèäøäí äí äðíðíé üëíäíä Ȯ II ä. "Íñíäèè÷äí").*

Ю.В. Зеленский

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У ПОЛОВЦЕВ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ

Раскопки степных курганов Прикубанья и Восточного Закубанья начались в конце XIX в. и сразу же были открыты половецкие погребения золотоордынского периода. В начале XX в. Н.И. Веселовским были исследованы половецкие захоронения на территории Среднего Прикубанья. Раскопки были продолжены в 70 - 80-х гг. XX в. и

количество погребений половцев резко возросло. Сейчас мы располагаем сведениями о 83 половецких комплексах XII - XIV вв.

Большинство половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья (63) впущены в курганные насыпи эпохи бронзы. Одно захоронение впущено в курган раннего железного века. 17 погребений являются основными. В одном случае курган был насыпан над двумя половецкими захоронениями. Одно погребение было впущено в культурный слой меотского городища.

Погребения чаще всего совершены в неглубоких ямах овальной или подпрямоугольной формы. В двух погребениях присутствовали подбои, в одном ступеньки. Довольно часто ямы перекрывались деревом. В четырех случаях вокруг погребений были каменные оградки. Зафиксированы гробы двух видов: решетчатые и выдолбленные. В одном захоронении на крышке гроба были положены два куска железа и железное кольцо, а в одном на грудь погребенного положили деревянное колесо. В девяти погребениях были зафиксированы костяки коней, причем в одном - два костяка. Следы огня и кусочки мела отмечены в двух захоронениях. В двух погребениях золотоордынского периода погребенные были завернуты в бересту.

Погребенные лежат на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты (в двух захоронениях ноги были раздвинуты). Ориентировка погребенных различна, преобладает восточная иногда с отклонением к северу.

Я использовал типологию позднекочевнических погребений, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым (3). В основу типологии были положены следующие признаки: форма могильной ямы, ориентировка погребенного и наличие или отсутствие в могильной яме костей коня. Наличие или отсутствие гробов не является классификационным признаком, поскольку они часто не сохраняются. Погребения были разделены на отделы и на типы. В основу выделения отделов были положены такие признаки, как ориентировка погребенного и наличие в могильной яме костей коня. Типы были выделены по форме ямы. Все половецкие погребения степного Прикубанья и Восточного Закубанья можно разделить на следующие отделы и типы.

Отдел А

Костяк человека, обращенного головой на запад, без костей коня.

Тип I (4 погребения). В прямоугольной яме.

В 17 погребениях этого отдела форма могильной ямы не прослежена.

Отдел В

Костяк человека, обращенного головой на восток, без костей коня.

Тип I (1 погребение). В прямоугольной яме.

Тип II (1 погребение). В овальной яме.

В семи погребениях этого отдела форма могильной ямы не прослежена.

Отдел Г

Костяк человека, обращенного головой на восток, с костями или остовом коня.

Тип I (2 погребения). В прямоугольной яме.

В двух погребениях этого отдела форма могильной ямы не прослежена.

Отдел Д

Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня.

Тип I (4 погребения). В прямоугольной яме.

В пяти погребениях этого отдела форма могильной ямы не прослежена.

Отдел Е

Костяк человека, обращенного головой на север, с костями или остовом коня.

Тип I (1 погребение). В прямоугольной яме, рядом с человеком зафиксированы кости лошади.

Отдел Ж

Костяк человека, обращенного головой на юг, без костей коня.

Тип I (1 погребение). В прямоугольной яме.

Одно погребение является кенотафом без костяка коня и человека. Форма могильной ямы не прослежена.

Все половецкие погребения степного Прикубанья и Восточного Закубанья можно разделить на четыре группы.

К первой относятся три погребения близ аула Кубина в верхнем Прикубанье. Для них характерна западная ориентировка погребенных и наличие каменных квадратных оградок (2, с., 168 - 169). Эти захоронения датируются временем не ранее конца XI в., а скорее всего началом XII в. (2, с. 171) и связаны с переселением орды Атрака в Грузию.

Для следующей группы погребений отмечены следующие признаки: восточная и западная ориентировка, наличие решетчатых гробов и конских косяков, сопровождающих погребения. Эту группу можно датировать концом XII - началом XIII вв. (1, с. 39).

13 захоронений датируются временем монгольского похода 1237 - 1238 гг. на Северный Кавказ (1, с. 39). В этой группе появляются погребения с северной, северо-восточной и южной ориентировкой, но еще встречаются захоронения с восточной и западной ориентировкой. По-прежнему зафиксированы костяки коней, решетчатые гробы и выдолбленные колоды.

Последняя группа погребений датируется золотоордынским временем концом XIII - XIV вв. Для них характерна северная и северо-восточная ориентировка, хотя сохраняется восточная и западная, и такие черты (их нет в предыдущих группах), как наличие бересты, угольная и меловая подсыпки, положение погребенных с широко расставленными ногами.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Çaëääñëëë Þ.Ä. Öðííñëíäëý ïñëíääöëëð ïñäðääáíëé èç ñäáííñí Ìðëëóááíüý è Áíñòí÷íñí Çäëóááíüý // Äðääíñòë Éóááíë. Äüí. 15. Êðäñííäð, 1999.*
2. *ÌëíääääÒ.Ì. Ê äííðíñó î ïñëíääðð íà Ñò ääðííëüä ï äððäí ëñë÷äñëëè ääííü / ÌËÑË. Äüí. 11. Ñò ääðííëü, 1964.*
3. *Öääíðíä-Ääüüñíä Ä.Ä. Êí÷äáíëëë Áíñòí÷íé Ääðííü ïñäëàñòüð çí ëí ò îí ääüíñ-ëëð ðäííä. Ì., 1966.*

ЕЩЕ РАЗ ОБ АДАХУНСКОМ СРАЖЕНИИ КАЗАЧЬЕГО ФЛОТА В 1638 Г.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 98-01-00283а.

Адахунское сражение не относится к числу новых тем. В той или иной мере его касались многие исследователи, что завершилось изданием блестящей специальной статьи Владимира Николаевича Королева [12]. Хотя в этой статье замечательного знатока ранней истории казачества есть ряд, на мой взгляд, принципиально неверных положений, именно безупречно систематичное изложение материала В.Н.Королевым позволяет мне пользоваться определенной свободой в композиции и избавиться от характеристики источников и историографической части (по крайней мере от комментирования домыслов Д.И.Эварницкого [18, с.227-228] и поэтических искажений В.Д.Сухорукова [17, с.182]).

Неясным остается многое в силу самого характера события. Связано это в первую очередь с тем, что в течение 1638 г. произошло не менее трех морских кампаний донских казаков, поэтому довольно сложно вычленить именно те сведения, которые относятся к Адахунскому сражению, а сравнительный анализ (главным образом, синхронизация событий, зафиксированных разными источниками) - предельно затруднен. Кроме того сказывается определенная субъективность основного и самого достоверного источника о событиях: материалов переписки Области Войска Донского с Москвой. Казаки никогда не афишировали нарушения предписаний государя не вести наступательных боевых действий против турок: целями они называли обычно только захват языков и освобождение пленников, приуменьшали дальность походов и замалчивали факты происходивших столкновений. Даже в распросных речах, они следили за соответствием сведений тексту войсковых отписок, как привезенных в тот же момент, так и прежних. Но, чтобы неясностей было меньше, сразу же скажу, какие из источников, отнесенных В.Н.Королевым к Адахунскому сражению, считаю неприемлемыми. Дальнейшее изложение будет состоять из цитат источников с дополнением анализа только в тех местах, где это необходимо, т.к. источники настолько красноречивы, что в большинстве случаев не требуют комментариев историка. Именно наличие замечательной статьи В.Н.Королева позволяет делать меньше анализа, но дать больше звучания божественной речи XVII века, что должно оказаться более приятным для читателей.

Итак, безусловно не относящимися к Адахунскому сражению 1638 г. являются сведения из распросных речей Ануфрия Артемьева, Никифора Онофриева и Петра Дмитриева в Посольском приказе 17 сентября 1644 г. [7, Кн.2, стб.936], т.к. здесь мы имеем дело с другой датой (после оставления Азова, в 1641-42 гг. или около того), другой длительностью события, численностью войск, результатами, т.е. всем, кроме местности - Адахунского лимана. Этого условия явно не достаточно для объединения событий, т.к. именно через этот лиман пролегал самый скрытный и безопасный путь

из Азовского моря в Черное, и следовательно, казаки могли заходить в него почти при каждой экспедиции, направленной за Керченский пролив. Подтвердить факты морских походов в 1641 и 1642 гг. не составляет труда. Активность казаков в 1641 г. была обычной [11, с.48]. В 1642 г., до окончательного оставления Азова казаки также выходили в море с обычными целями, что засвидетельствовано в войсковой отписке, полученной в Посольском приказе 23 июня 1642 г.: "Да въ нынешнемъ же, государь, во 150-мъ году, марта в 27 день, посылали мы, холопи твои, своихъ донскихъ казаковъ на море стругами, а конныхъ степью подъ Крымъ... многих на море и на степи языковъ турскихъ и крымскихъ и горскихъ черкес поимали..." [7, Кн.2, стб.450].

Сведения турецких хроник, которые пересказал в своей "Истории Османской империи" Йозеф Хаммер-Пургшталь [24, S.269-270; 25, P.361-362], также могут не относиться к Адахунскому сражению 1638 г., но это значительно более сложный вопрос, т.к. здесь может быть смешана информация о разных сражениях казачьего флота с турками.

Для понимания сведений оставшихся источников важна прежде всего информация о топографии Таманского полуострова. Пожалуй, только этот вид "источников" я могу добавить к уже известным и проанализированным В.Н.Королевым. Естественная трудность для историков обусловлена тем, что название Адахун (Кровавый Остров) носили три разных объекта: лиман (или залив, озеро, по тексту Эвлии Челеби), собственно остров и крепость. Одновременно остров являлся и административной единицей - санджаком Каффинского зяялета [19, с.224-225; 23, с.319-320, 449]. Резонно предположить, что все они располагались пососедству, но это, увы, не обязательно. Лиман локализуется без особых трудностей. Например, в "Книге путешествия" прямо говорится, что "залив Адахун на реке Кубани является местом, соединяющим реку Кубань с Черным морем" [19, с.51]. Следовательно, залив Адахун соответствует современному Кизилташскому (и, возможно, Бугазскому) лиманам. Правда, во времена близкие к рассматриваемому сражению Кизилташский лиман мог соединяться с Ахтанизовским и составлять единое водное пространство. Естественно, это могло иметь место только во время паводков, которые на Кубани тянутся в течение всего лета [3, с.5]. Остров Адахун также определяется, это северная часть современного Таманского полуострова. Общую границу с Кизилташским (Адахунским) лиманом он не имел даже в том случае, если его пределы доходили до Шемарданского рукава. Если же современные лиманы тогда соединялись, то общая граница была неизбежно даже в том случае, если остров заканчивался Субботиным ериком.

Главный ключ к пониманию последовательности событий - это признание того, что крепость Адахун, где как раз и произошла заключительная часть сражения, вопреки мнению В.Н.Королева, это совсем не то же, что и крепость Кызыл-таш. Это однозначно следует из текста самого Эвлии Челеби, в той части, где он описывает свой маршрут от Темрюка до Кызыл-таша. Он шел от Темрюка к разрушенной крепости на месте современной станицы Голубицкой, а затем на запад до разрушенной крепости Адахун. Длина этого последнего перехода в тексте не оговорена, но совершенно очевидно, что движение могло идти только по Голубицкому останцу в сторону Пере-

сыпского гирла и Субботина ерика. Возможно, что до достижения крепости Адахун путешественнику приходилось переходить какие-то водные преграды, в это время (первая половина апреля 1666 г.), возможно, еще замерзшие, т.к. в описании фигурирует фраза: "Потом этот ничтожный раб прошел через озера и холмы на запад" [19, с.48]. Упоминает рассматриваемое сражение Эвлия именно здесь, в связи с крепостью Адахун, что подтверждается помимо прочего, и виденными им могилами шехидов, вероятно, с надписями. Следовательно, финальная часть битвы произошла именно там, около современного Ахтанизовского лимана и исчезнувшего в настоящий момент Субботина ерика. Дальнейшее движение путешественника до крепости Кызыл-таш шло только на юг (в сторону кыблы), движение составляло не менее 7 часов (2 часа - сале Совуджук - 3 часа - сале Идрис - зимовье Атеш-бея - 2 часа - крепость Кызыл-таш). Поскольку время пути между деревней Идрис и зимовьем Атеш-бея не указано, можно предполагать, что в реальности дорога длилась более 7 часов.

Теперь рассмотрим Таманский полуостров (архипелаг островов, разделенных протоками) с точки зрения казачьего мореплавания. Для казаков, казалось бы, самым простым был выход в Черное море через Керченский пролив, где дальность фарватера от берегов в то время практически исключала опасность береговой артиллерии. Однако здесь казаки теряли целый ряд преимуществ: скрытность, внезапность, лучшую по сравнению с турецкими большими кораблями проходимость на мелководье, большую маневренность на ограниченной акватории, здесь им было значительно сложнее создать существенный численный перевес на решающем участке сражения. Поэтому казаки охотнее использовали обходной путь, который шел через Ахтанизовский лиман, Кубань и Кизилташский лиман. Был также возможен маршрут через р.Черную Протоку, Кубань и Кизилташский лиман, что было специально рассмотрено В.Н.Королевым [10]. Однако этот путь требовал значительно большего времени и усилий, большими здесь были и вероятность засад, ограничения по проходимости судов и т.п. На текущий момент мне не известен ни один источник, который засвидетельствовал бы выход казаков в Черное море через Черную Протоку. Более того, на русской маршрутной карте, составленной около 1685 г. [20, fig.1; 27, fig.1], соединение Протоки с Кубанью вообще не показано: после участка отдельного течения выше устья эта река проходит 3 лимана, а исток ее теряется где-то в плавнях. Следовательно, даже во второй половине XVII в. о возможности попасть в Черное море через Протоку ничего не знали.

Путь же через Ахтанизовский лиман позволял казакам по выбору входить в одну из трех проток: Пересыпское гирло и два рукава, омывавшие остров Темрюк. (К сожалению, очень трудно доказать одновременное существование всех трех протоков, единственное свидетельство этого есть в "Особой повести об Азове"). Еще одним существенным преимуществом было то, что здесь они могли быстро прорваться в Таманский залив через Субботин ерик.

Естественно, турки пытались прикрыть все судоходные протоки Кубани крепостями. Движение по Черной Протоке контролировали крепости Атчу, Копыл и Ени-Копыл. Ахтанизовский лиман закрывала крепость Темрюк (на протоке Абазас [10, с.61; 29, S.398]), а также разрушенные во времена Эвлии крепости на месте ст.Голубицкой и Адахун. (То, что на момент путешествия Эвлии в 1666 г. две последние

крепости были заброшены, свидетельствует о плохой проходимости соответствующих им протоков). Выход из Кизилташского лимана закрывала крепость Кызыл-таш. Казаки противопоставляли крепостям внезапность нападения и скорость.

На русской маршрутной карте, составленной около 1685 г., достаточно подробно изображен путь именно через лиманы. Примечательно, что на этой оригинальной карте подробно изображены именно возможные пути судоходства. В частности, непропорционально увеличена дельта Дона с подробным изображением всех протоков (в обход турецких крепостей) и почти исчерпывающей номенклатурой гидронимов.

В связи с тем, что важнейшим путем в Черное море для казаков были именно Ахтанизовский и Кизилташский лиманы, существенна одна из характеристик крепости Анапы, сделанная Эвлией Челеби: "Если бы эта крепость была населена, то суда неверных не могли бы пройти в Черное море через Азовский пролив" [19, с.50]. Комментаторы источника однозначно определили Азовский пролив как Керченский [19, с.225], что, на первый взгляд выглядит вполне убедительным и подтверждается контекстом использования этого гидронима в других местах [19, с.51,193]. Однако тогда довольно сложно объяснить, каким образом крепость защищала от нападений казаков. Вместе с тем такое ее назначение будет вполне понятным, если считать, что казаки выходили в море через Кизилташский или Витязевский лиман, что было одинаково возможно. Тогда Анапа оказывалась ближайшей к устьям лиманов крепостью на Черноморском побережье (не считая крепости Кызыл-таш), которая вполне могла нести дозорные функции. Все это подтверждает постоянство использования казаками пути в море через лиманы. Поэтому вовсе не обязательно искать какую-то особую вескую причину для захода казачьих флотилий в лиман - это был обычный маршрут.

Не могу согласиться с определением целей похода флотилии, сделанным В.Н.Королевым. (Добыча языков и тем более поход под Каффу едва ли были задачами именно той эскадры, которая погибла под Адахуном, т.к. не смотря на полную легальность таких целей для переписки с Москвой, эти цели ни разу не упомянуты в сообщениях июля-августа 1638 г.). Фактически в 1638 г. состоялось не менее трех морских походов, которые последовали один за другим почти без перерыва. Первый состоялся в мае и имел целью добычу языков и разведывательной информации, что и послужило основанием для появления весенней даты Адахунского сражения [13, с.16-17; 12, с.27].

В войсковой отписке от 21 мая 1638 г. (о получении государева жалования, с известием об отказе Войска вернуть Азов крымцам во время переговоров, происходивших между ними и казаками и о столкновении у Молочных Вод) прямо говорится о посылке казачьего флота в этот первый поход 9 мая: "а мы, государь, переговора межъ собою, отпустили на море изъ Азова своихъ донскихъ казаковъ, переговора межъ собою, отпустили на море изъ Азова своихъ донскихъ казаковъ семьдесятъ четырѣ струги большихъ морскихъ, а приказали, государь, мы своимъ донскимъ казакомъ итить моремъ по Крымской стороне, по крымскимъ юртамъ и по ногайскимъ улусомъ; а отпустили к тебе, государю, в станице атамана Дениса Парфентьева..." [7, Кн.1, стб.770]. Эта казачья станица была отпущена из Войска 21 мая 1638 г. Эти сведения были дословно повторены в отписке воронежского воеводы

Мирона Андреевича Вельяминова 3 июня 1638 г., хотя, по его версии, информация поступила от воронежских вестовщиков Ивана Орефьева и Степана Парфеново [7, Кн.1,стб.774].

Более подробно о целях этого первого похода говорится в распросных речах упомянутого атамана Дениса Парфеньева и казаков его станицы, уже в Москве, 10 июня 1638 г. Только по ним устанавливается точная дата отправки флотилии (Николин день). "А въ турецкой де земле въ заборе рать многая, а куды имъ итти, того им подлинно не ведомо, и съ Кизылбашскимъ шахомъ у него война будетъ ли, про то они не слышали. До они-жъ сказали: пошли де изъ Азова на море на Николинъ день съ атаманомъ съ Алексеемъ Долгимъ 75 струговъ, а въ стругу казаковъ человекъ по 70 і по 80, а итти де имъ подъ Кафу і в ыные мста для промыслу. А ис Темрюка де выходить къ нимъ в Азовъ выходцы полоненники, русские люди, и сказываютъ, что въ Темрюке живутъ лехкие резвые люди, а многие люди изъ Темрюка вышли в Кафу для того, что боятца на себя ихъ казачья приходу. А только де почають они к Азову приходу крымскихъ і турецкихъ людей, і атаманы де и казаки приговорили, что имъ всемъ противъ ихъ стояти і в Азове сидеть, хотя всемъ помереть, а Азова не покинуть. И атаманы де и казаки, которые пошли для промыслу на море, как добыютца где языковъ, и только от техъ языковъ услышатъ на себя къ Азову приходу ратныхъ людей, и они де ис того походу будутъ назад въ Азовъ тотчасъ і учнутъ стоять противъ ихъ за одно, сколько Богъ помочи подасть..." [7, Кн.1, стб.780]. Как видим, задача получения оперативной информации на побережье вплоть до Каффы и языков относится именно к первому, весеннему походу 1638 г. Предписания вступать в сражение в случае встречи турок не было, необходимо было сразу возвращаться в Азов.

В материалах этого же посольства содержится информация о результатах весенней кампании, в отписке воронежского воеводы М.А.Вельяминова о движении крымских каторг под Азов и о приготовлениях казаков: "А которые де, государь, донские казаки пошли были на море, и они де съ море воротились въ Азовъ, а на море де поймали языки подъ гирлемъ (Керченским проливом - И.В.); и те де языки сказывали, что конные перевозятца съ Крымские на Ногайскую сторону многие люди, а катарги де, государь, съ ними, донскими казаки, встретилися на море под гирлемъ, идуть ис Чернова моря въ Азовское море катаргъ съ сорокъ и те де, государь, донские казаки хотели на те катарги бить, і въ то де время стало на море погода и техъ де катаргъ при нихъ разбило погодою четыре катарги. А идуть де, государь, те конные и моремъ каторги на осаду подъ Азовъ..." [7, Кн.1,стб.801]. Как видим, задачи первого похода 1638 г. были выполнены, поэтому приписывать их второму или третьему походу нет никакого смысла. Сразу же казакам Области было предписано отправляться в Азов для помощи при обороне, а оставшимся - съезжаться из 2-3 городков в один. Эта же отписка позволяет установить и дату возвращения казачьей эскадры в Азов - 2 июня.

Эта дата определяется следующим образом. Принесшие весть крестьяне встретили в городке Курманове Яру казака Ивана Губу с войсковой грамотой, который добрался из Азова за 4 дня; дорога крестьян оттуда до Кременных также составила

4 дня, " а ис Кременных они поехали до Воронежа тому ныне тринадцатъ день" [7, Кн.1, стб.800]. Следовательно, если Иван Губа выехал из Азова в день возвращения эскадры, что весьма вероятно по причине необходимости скорейшей организации обороны, то это произошло: 23 июня - (4 + 4 + 13 дней) = 2 июня. Следовательно, можно уточнить дату, предложенную В.Н.Королевым - до 6 июня [11, с.45].

Уже во время первого похода казакам пришлось вести разведку боем: в проливе они встретили турецкий флот, с которым вступили в сражение, но разошлись из-за непогоды (не исключено, что именно это ненастье отразилось в тексте "Особой повести"). После возвращения в Азов (что было предписано еще до начала похода в случае встречи движущегося к Азову противника) и допроса пленных и бежавших из неволи русских рабов казакам стало ясно, что встреченный турецкий флот готовится к нападению на Азов. Поэтому основной и единственной целью второго похода 1638 г. была атака турецкой эскадры в Керченском проливе, не дожидаясь, пока она появится под Азовом (естественно, тактические цели могли меняться в зависимости от оборота событий).

О результатах первого похода позволяет судить также отписка воронежского воеводы М.А.Вельяминова о планировавшемся походе крымцев под Азов с приложенным к ней списком войсковой отписки, направленной по городкам после возвращения эскадры [7, Кн.1, стб.807-811]. Эти материалы были получены у атамана Ерофея Петрова в Нижнем городке на р.Медведице вестовыми - атаманами села Усмони Федором Петровым с товарищи, посланными для вестей 24 июня и вернувшимися 30 июня [7, Кн.1, стб.807]. Это была та информация, которой Войско располагало после возвращения: "... моремъ катарги и мелкие суды къ Азову идуть. И атаманы де, государь, и казаки про морское войско каютца, что с ними бою не зделали; а ныне де атаманы и казаки о томъ думаютъ, Татарь с катаргами и берегомъ хотятъ переведатца съ ними, не пустя до Азова, и осадить имъ Азова не дать. Да тотъ же де, государь, атаманъ Ерофей сказываль им-жъ, Федору Петрову с товырыщи: приходили де Тотаровя х козачьему городку къ Терновымъ, и на тех де тотарь ходили въ походъ изъ Азова атаманы и казаки, и ихъ погромили" [7, Кн.1, стб.808].

В прилагающейся копии войсковой отписки "слово в слово" сведения переданы очень осторожно, не упомянуты ни состоявшаяся перестрелка с турками, ни планируемый следующий поход, но данные языков переданы более подробно [7, Кн.1, стб.809-810]. При определенном недоверии казаков к сведениям языков по всему видно, что казаки готовились именно к дальнейшей обороне города от наступающего турецкого флота, впрочем, весьма активной.

Захваченные во время обороны Тернового городка языки сообщили информацию, противоречащую первоначальной, появились основания не опасаться осады города в текущем году. Поиск новых разведывательных данных на этом не кончился. Перед вторым походом казаки предприняли сухопутную разведку двумя большими отрядами. Более независимая от войскового редактирования информация об этом содержится в отписке опять же воронежского воеводы, где содержатся распросные речи попа Осипа по прозвищу Зеленой, который выехал из Азова около 6 июня ("погреб де онъ

з Дону из Азова уговевъ Петрова поста неделю, а гребъ пять недель, июля по 11 число" [7, Кн.1, стб.811].

"И какъ де он былъ въ Азове да своего поезду, при немъ де пришли съ моря донские казаки, которые были пошли на море, и те де казаки сказывали, что встретились с ними на море сорокъ четыре каторги, и стрельба по нихъ ис пушекъ была, и въ то де время на море стало великая погода, и ихъ де погода отвела, потому съ ними и бою не было. А розбило де въ то время при нихъ погодою шесть катаргъ. А какъ де пришли казаки съ моря, и при немъ де посылали изъ Азова донские атаманы и казаки донскихъ казаковъ для языковъ, атамана Григорья Некрега, а с нимъ ходило казаковъ триста человекъ по Нагайской стороне, а по Крымской стороне посылали тотаръ триста-жъ человекъ. И он де, не дождавсь техъ казаковъ ис походу, погребъ; и какъ де онъ будетъ въ казачьихъ городкахъ у Курманова Яру, и сказывали де ему донские-жъ казаки, которые ходили для языковъ, что поймали языки, тотаръ, по Нагайской стороне под казачьимъ городкомъ подъ Терновымъ, а в роспросе сказывали де языки, что те де катарги посланы на заставу, для того, чтобъ донскихъ казаковъ на море не пропускать, а не для осады Азова. А турского де людей и крымского царя подъ Азовъ нынешняго лета приходу не чаеть. И крымской де царь никуда не хаживаль, и те де донские казаки, которые съ моря пришли, и они де и струговъ при немъ запасовъ своихъ не выкладывали, и распрося де языковъ, донские казаки пошли на море на заставные каторги" [7, Кн.1, стб.811-812].

Из этого следует (при недостаточной конкретности слов О.Зеленого), что второй морской поход начался после 6 июня, или около этого дня. (Не понятно - до его отъезда из Азова, или он получил известие об этом от казаков в Курмановом Яру). О возвращении казаков из этого похода сведений нет, что несколько странно. Скорее всего, все суда вернулись благополучно. Сообщение О.Зеленого очень показательно с точки зрения того, насколько полно Войско информировало Москву о своих действиях: этот второй поход не упомянут ни в одной официальной отписке, ни в распросных речах самих казаков в Москве. Следовательно, утаивание казаками информации о наступательных морских походах было обычным явлением.

Надо полагать, новых и противоречащих предыдущим данным казаки не получили, т.к. в отписке воронежского воеводы от 13 июля сообщается о сведениях, известных Войску на 3 июля 1638 г. ("поехали они изъ Азова после Петрова дни в среду, ныне тому десятой день, июля по 13 число, и при них де Турскихъ и крымского царя под Азовомъ никакие люди не бывали...") [7, Кн.1, стб.813]. По сообщениям языков и вернувшихся татар, бывших в походе с Денисом Поплевиным, "были де съ весны въ заборе крымские люди и те де все пошли на войну къ турскому на помощь, потому де что кизылбаской у турского многие города поималъ. И ныне де, государь, крымскихъ людей въ заборе нетъ нигде и къ Азову нынешняго лета прихода не будетъ, сами де турские люди и крымские от донскихъ казаковъ приходу боятца. А которые де, государь, катарги приходили для заставъ, чтобъ донскихъ атамановъ и казаковъ не пропускать на моря, и ис техъ де катаргъ иные и назадъ пошли, а донские де атаманы и казаки после ихъ пошли въ понедельникъ на море на те заставные катарги" [7, Кн.1, стб.814].

Следовательно, у казаков были основания чувствовать себя беспечно и даже вести наступательные действия. Попытка взять в это время Тамань не выглядит невозможной. Существенно и то, что здесь упоминается, насколько можно судить по приведенному тексту, о готовившемся третьем морском походе казаков в текущем году, начало которого было назначено на понедельник после 3 июля, т.е. на 8 июля. Трудно сказать, был это отдельный поход или тот, который закончился Адахунским сражением. Возможно и то, и другое (хотя о походе говорится как о совершившемся, его дата позже отъезда вестовых).

После этого из Войска поступила туманная информация о постоянных посылках казаков для разведки, причем не оговорено, по суше или по морю. Она содержится в очередной отписке воронежского воеводы от 26 июля 1638 г. Сведения были получены от донского атамана Микиты Михайонва сына Богатова и казака Тимофея Офонасьева сына Карагача, которые выехали из Азова за семь дней до кануна Ильина дня, т.е. 12 июля (20 июля - 1 - 7 = 12 июля). Адахунская эскадра в это время еще не вышла в море. Они сообщили, что "донские атаманы и казаки из Азова посылають для языковъ; вестъ от языковъ, что турскихъ и крымскихъ людей въ заборе нетъ..." [7, Кн.1,стб.815]. Поскольку более внезапным могло быть нападение с моря, есть все основания полагать, что какие-то струги были в разведке постоянно. (Но источников для подтверждения этого предположения нет). Из того же источника известно о планах следующего похода казаков: "... шли де от турецкого царя катарги, а чаяли де атаманы и казаки темъ катаргамъ приходу подъ Азовъ. И ныне де, государь, те катарги стоятъ на Чорномъ море в гирле промежъ Керча и Тамани по конецъ Азовского моря въ заставе и берегутца приходу на себя донскихъ казаковъ, чтобъ ихъ не пропустить воевать, а данские атаманы и казаки хотятъ итить на море на заставные катарги" [7, Кн.1, стб.814].

О начале похода, закончившегося Адахунским сражением, сообщается в материалах посольства Осипа Лосева, причем в войсковой отписке [7, Кн.1, стб.818-820] сведения значительно более кратки, чем в распросных речах [7, Кн.1,стб.828-832]. "А непередъ де того, за десетъ день до ихъ отпуску, атаманы и казаки, не чая на себя къ Азову приходу крымскихъ и нагайскихъ и турскихъ людей, отпустили изъ Азова на катарги для проведывания турскихъ людей х Керчи къ гирле 40 струговъ, а въ нихъ атамановъ и казаковъ зъ 2000, і у казаковъ де съ катаргами учинился бой подъ Таманью у берегу. И билися они с турскими людьми во весь день, а къ ночи съ того бою разошлись врознь; катарги пошли въ море, а казаки пошли возле берегъ къ Азовскому морю. И на утрее де того бою сошлись катарги опять съ казачьими стругами, и казаки де своими стругами ударилися на катарги, і учигился у нихъ бой большой, и сталъ дымъ великой. А одинъ де стругъ на катарги не пошолъ, что попортился и пришелъ назадъ в Азовъ, а въ немъ казаковъ человекъ съ пятьдесятъ. И про тотъ де бой те казаки въ Азове и сказывали; а хто де въ томъ походе ково осилель, казаки-ль турскихъ людей, или турецкие люди казаковъ, и тово де ведома подлинно при нихъ въ Азове не было, что нихто изъ того походу после того струга въ Азовъ съ вестью не бывалъ; а им де, Осипу с товарищи, тое подлинные вести дождатца не велели, отпустили ихъ къ Москве вскоре для того что ждуть на себя приходу

воинскихъ людей къ Азову тотчасъ" [7, Кн.1, стб.830-831].

В материалах этого же посольства содержится и новая разведывательная информация, полученная уже после отправления казачьей эскадры в море в результате захвата 20 пленных по время сражения на Мертвом Донце 22 июля. Наиболее полно рассказ одного из пленных татар передан опять же в распросных речах Осипа Лосева с товарищи. "Крымской царь идетъ подъ Азовъ по Нагайской стороне съ крымскими людьми и з горскими черкасы, а перевозится де онъ ис Крыму на Нагайскую сторону исподъ Керчи подъ Тамань къ гирле. А крымской де царевичъ, а как его зовутъ, того не упомнить, идетъ со всеми большими нагаи и з белгородцы по крымской стороне къ Азову-жъ. А моремъ де х крымскому царю идуть на помочъ подъ Азовъ же турские люди въ катаргахъ, а катаргъ де идетъ 42, да и мелкие суды, а сколько судовъ, того не ведаеть. А сколько де числомъ съ крымскимъ царемъ и с царевичемъ идетъ подъ Азовъ крымскихъ и Большого Нагаю татаръ и черкасъ и белгородцовъ, и сколько въ катаргахъ і въ мелкихъ судахъ турскихъ людей, и он про то подлинно не слыхалъ, что имъ отпускъ учинился вскорѣ. А сказывалъ де тотъ крымской татаринъ, что крымскому царю і царевичю съ ратными людьми и катаргамъ приходитъ подъ Азовъ на завтрее ихъ отпуску, в среду, июля въ 25 день, а хотятъ де они къ Азову приходитъ валомъ засыпать землю..." [7, Кн.1, стб.829-830].

Интересен этот фрагмент также как показатель большей точности распросных речей по сравнению с войсковой отпиской. Вероятно, допрос татар "с пристрастием" продолжался и после того, как была составлена отписка (23.07), и более подробная и точная информация получена ко дню отпуски, 24.07. Здесь уже правильно указывалось, что по Ногайской стороне идет сам крымский хан, а царевич - по крымской стороне, хотя в войсковой отписке говорилось, что "... идетъ крымской царь, по повеленью турского царя, степью, крымскою съ ногайскими людьми подъ Озовъ, а улусомъ велель кочевать за собою. А большая половина крымскихъ людей перевозились съ царевичемъ крымскимъ въ гирле, а идуть по Ногайской стороне съ Косаемъ мурзою и з горскими черкасы къ Озову-жъ..." [7, Кн.1, стб.819].

Сведения о действиях турок и татар подтверждаются и информацией, полученной от казаков единственного вернувшегося струга, участвовавшего только в первом дне сражения. Из текста почти однозначно следует, что сначала (в течение первого дня и по крайней мере части второго) бой шел в Керченском проливе и атаковали казаки.

После этого упоминания погибшей флотилии в переписке Войска с Москвой очень кратки. В царской грамоте от 11 сентября 1638 г. задается вопрос о ее судьбе: "... и донские казаки, которые пошли [ходили изъ Азова] на море [на турские катарги], съ моря назадъ къ вамъ [въ Азовъ] пришли-ль; и будетъ пришли, и все-ль здорово; и что они въ той посылке [съ турскими людьми] учинили" [7, Кн.1, стб.842]. Но ответа не последовало (или он не сохранился).

Когда в 1639 г. часть пленных казаков вернулась в Азов, захватив галеру, где они были гребцами, появились новые, очень краткие сведения (с поэтичным описанием захвата каторги). В распросных речах освободившихся Степана Самсонова и Иева Иванова говорится, что "... в прошломъ де во 146-мъ году, ходили они изъ Азова на море для языковъ, и ихъ на море турские людиньгихъ побили, а иныхъ поимали въ

полонь и были они на катарге годъ..." [7, Кн.1, стб.886-887]. Как видим, их собственные речи не позволяют даже безоговорочно эти сведения с июльским походом. Однако эта связь устанавливается по упоминанию той же каторги в "Особой повести об Азове" и сопровождающей посольство отписке воронежского воеводы М.А.Вельяминова от 12 октября 1639 г., где говорится: "... въ прошломъ-жъ во 146-мъ году, ходили они, донские атаманы и казаки, для языковъ подъ Кафу, и ихъ де на Черном мори въ Одыхонскомъ лимане осадили каторги, да въ ту же де пору пришло на нихъ крымской царь с крымскими и съ ногайскими людьми, и тутъ де ихъ взяли въ полонъ..." [7, Кн.1, стб.855]. Участие этих казаков в Адахунском сражении становится очевидным, но они могли попасть в плен до высадки на берег и его окончания.

Дальнейший ход событий (после первого столкновения в Керченском проливе) в точности не восстанавливается. Ясно только, что казаки оказались в Кизилташском (Адахунском, Одыхонском, Духонском) лимане. Причиной захода могла быть и штормовая погода, и попытка тактического обхода островов и выхода в "тыл" турецкой эскадры. По крайней мере прорыв казаков через турецкое оцепление в Черное море через Керченский пролив выглядит совершенно бессмысленным. Казаки должны были использовать путь через одну из трех протоков, ведущих из Темрюкского залива в Ахтанизовский лиман. Их движение по Субботину ерику также возможно, но значительно менее вероятно, т.к. в этом случае вероятность обстрела эскадры с берега значительно возросла.

Вполне допустимо, что обход острова Тамань не удался из-за блокады Кизилташского гирла турецким флотом. Именно здесь могло быть реальным перетаскивание казаками стругов из моря на руках через косы.

Далее следует освещенная источниками заключительная часть сражения. Три дня длились переговоры казаков с крымским ханом, после взаимных клятв крымцы напали на казаков, но три протоки, ведущие из Ахтанизовского лимана в Азовское море оказались уже перекрытыми. Далее казаки двигались в направлении Субботина ерика и крепости Адахун, что подтверждается статейным списком русского посланника в Константинополе Дорофея Астафьева. Возможно, по Субботину ерику казаки прорвались в Таманский залив и попытались взять крепость Тамань, но шансов на удачу этого предприятия почти не было, как и шансов прорваться в Азовское море через Керченский пролив.

Вместе с тем, с точки зрения тактики, попытка взять крепость Тамань была вполне обоснованной. Во время боевых действий турки и татары неизбежно должны были рассредоточить сухопутные силы для установления засад на протоках, возможно даже, что для этого пришлось использовать артиллерию из крепости. Внезапное нападение могло позволить казакам захватить крепость, но не удержать ее. Однако тогда туркам пришлось бы стянуть силы к крепости Тамань, что и требовалось казакам: в этом случае у них появлялся шанс прорваться в Азовское море через незащищенные протоки.

Описание трех решающих дней события и последующего разгрома даны в "Особой повести об Азове". Помимо многих важных подробностей, отмеченных самим участником похода, здесь содержится еще и единственная точная дата прихода

крымского хана под Азов, что существенно для датировки события.

"И после того Азовскаго взятія охочіе люди, атаманы и молотцы того же году ходили стругомъ на море, и крымскіе села и деревни пленили, и многихъ бусурмановъ под мечъ подклонили, а жены ихъ и дети к себе в полонъ брали. И во 147-мъ году на весну собрався Войско і въ стругахъ пошли на Синее и на Чермное море и от хуртины зашли в лиманъ, покаместъ Богъ милость уставишь свою. А в тое пору по черкасской стороне шель Крымскій царь с своимъ царевичемъ и с туръскою и с крымскою своею великою силою под градъ Азов. И увидевъ Войско в лимане, и стал с нами братися, и не изнеможе. І видевъ, что Войска не осилети, и навожденіемъ діаволимъ, своимъ окаяннмъ злокозньственнымъ своимъ бусурманскимъ бездушствомъ прелсти беззловивыхъ сердца, присла к Войску в лиманъ посланцовъ своихъ, а велель имъ говорити:

"Господар де мой, крымской царь, и с царевичемъ, и с своими пашами к вам прислал: что де нам с вами битва чинити! Вы де - воины, и мы - воины. Аз де вам на томъ шерть шертую по своей вере, что вамъ от меня, за моею царскою душею и правдою, никакіе шкоты не будетъ. А вы де мне на томъ крестъ целуйте, что вамъ надо мною, и над моимъ царевичемъ, и над моими пашами, и над моимъ войскомъ туръскимъ и крымскимъ никакіе же шкоты не чинити. А язъ де шель не для васъ. Иду в черкасы для силы, что итти на кызылбаскаго за одно. Да и вас де я пожалую своимъ великимъ царскимъ жалованіемъ, только поидите со мною на кызылбаскаго за одно".

И Войско того не похотешя. И онъ окаанный сталъ дарами драгоценными дарити, і Войско темъ своимъ бездушствомъ позадержалъ, и ни в чемъ ни в какомъ дурне по своей шерти блестися не велел. А ноцію на усть лимана повелель коліе бити и полукаторгину школы (sic) нагруза каменіемъ потопили в заборе повелел. А Войско того не ведаша, надеяшася, что по своей же правде. И уча к Войску самъ пріежжаті, аки лукавый сатана, беззловивыхъ и правыхъ сердцемъ, сердца ихъ прелщати и ихъ увещеваті лестными глаголы. І въ другую ноц повеле второй забор заперети. А Войско того не ведаеть же. И в 3 день хотешя Войско поити вон из лимана. И онъ окаанный, злохитрый и зломысёный дияволъ самъ приехавъ к Войску, рече:

"Не ходите, атаманы и молодцы, нынешний день. Посоветуйте меж собою, чтобы вамъ итти со мною заединъ на кызылбалскаго. И будетъ мне не верите, и от меня начаетесь кривды " -

вынявъ свою саблю из ножен:

"та бы де сабля от вашихъ рукъ на моей шее была". І въ книгу по своей вере целовал. І Войско ево окаанной проклятой шерти повериша і в лимане заначеваша. А онъ окаанствомъ своимъ повелешя въ третій заборъ запирати. А Войско по ево клятвѣ без опасенія стояше, веряше ему злокозненному по своей вере и правде. И какъ учиниша все три заборы и нападоша на Войско, аки лютіи и немилостивии волци на беззловивыхъ агнецъ и хотешя поглотити. И учаще по стругамъ ис пушекъ бити и из мелькаго оружья. А Войско с нимъ брашася и первый забор проидоша, потомъ і второй, и къ третьему приидоша. И Войсковыя мочи не стало противъ ихъ окаанныхъ злонравія, и учаще метатися в лиман со оружіемъ, і в камыши убегоша. А иныхъ раненыхъ они окааннии к себе взяша, а иных на путехъ переимаша. А овіи уидоша к

Азову і в горы Черкаские и Божиим промысломъ освободишся и к Азову же приидоша. А о(в)ихъ попродавали на катарги.

И во 148 году, Божією милостію і всемудрым Его промыслом и Пречистые Богородицы заступленієм і всехъ святых умоленієм и государьским счастієм, корабль болшей того же войска турокъ побили, а сами к Азову пришли. И казаки того же лета неволники на катарге подкопомъ на море взяли пашу, и санчаковъ и левентовъ 80 человекъ побили. А иных от пороху в море пометаша. А сами Божією милостію с катаргами к Азову пришли и со всемъ катаръжнымъ оружіемъ. И сія до zde.

А онъ безъбожный агарянин, похитив аки лютый волкъ безлюбивых агнецъ, и пришед под Азовъ с своею силою великою. И прежде приходу прислал своих посланьцовъ к великому донскому войску, а велель говорить:

"Отдайте де казаки мой Азовъ град, а не отдади(те), и я де вас такоже попленю, что ваше войско на море".

І Войско ему отказаша:

"Такъ де присылають не цари, шишиморы. Коли де ты прямой царь, или воинъ, и ты де поиди самъ і возми своею главою-также, какъ мы взяли, а не грозами, и кров свою также пролей" .

И онъ наутріе прииде под град августа въ 1-й день со всею силою своею, и ста по валом поежжати. И атаманы и молотцы, помоляся Спасу и Пречистой Богородицы и святому славному Пророку и Предтечи, Крестителю Господню Иоанну, и повелеша атаманы и молодцы и Тимофей Яковлев по его полкомъ ис пушек стреляти. И они окаянии побегошя, никим же гоними. А атаманы и казаки поидоша на выласку и бишся много часовъ. И Божією милостію, ни в чемъ Войску шкоты не учинишя. И многое время испустя еще прислали посланников своих:

"Возмите де своих казаковъ, что я на море взялъ, а град мой Азов отдайте".

И атаманы и казаки ему отказаша:

"Темъ де Богъ судил, что тебе в руки попали, по твоему окаяньству и бездушъству. А тебе же от них худо будетъ. А Азова тебе не отдадимъ. А за то не стоим и не отказываем: приступай! Ради с тобою поганымъ бусурманом агареньскаго исчадія братися за свою истинную православную християньскую веру, и за святыя Божія церкви, и за образ Іоанна Предтечи. Мы де к тебе из града выходимъ на битву".

И учяшя промежъ собою братися, и бившеся с утра и до вечера, и, милостію Божією, Войско ничемъ не вредимо бысть. И сентября въ 8 день прислаша еще посланцовъ своих, а повелеша еще говорити Войску:

"Пойдите де из Азова вонъ въ свой юртъ и зъ своими животами. Да еще де противъ всякой себя возмите в отмеръ серебра и злата. А покинте де мне Азова города толко одне стены".

И атаманы и казаки і все великое донское войско на ево окаянную лукавую бездушную речъ и на лестъ и на серебро и злато не прелстишася и того посланца въ свидкахъ убишя, ему поганому бусурману с великим вневомъ и яростію отказаша:

"Коли тебе бездушному надобеть, самъ доставай".

И повелеша по полку его из больших пушек стреляти, и сами из мелкаго оружья.

И побежа поганый, никим же гонимы, но токмо милостию Божією. И на всякъ день и ночь досаждаше Войску: приступомъ ко граду не приступаетъ, а за градъ на выласку Войско выдетъ, и онъ, схватився немного, въ степь бегаеть, аки лукавый сатана" [13, с.32-35].

В тексте "Книги путешествия" Эвлии Челеби в двух местах говорится об Адахунском сражении. Один раз он вскользь сообщил о нем при собственном посещении развалин крепости Адахун и могил погибших там шехидов, когда путешествовал из Темрюка в крепость Кызыл-таш, что позволяет установить место, где произошел последний бой [19, с.48-49]. Наиболее вероятно расположение этой крепости на месте Ахтанизовского поселения 4 [16, Т.1, с.353-357]. Это в целом соответствует и обозначениям крепости на европейских картах XVIII в., где крепость отмечается в северном углу внутреннего из Таманских островов. Целостное описание турецкой кампании 1638 г. на Черном море, использованное в статье В.Н.Королева, очень мало знакомо нашему читателю, т.к. не было включено в русский перевод фрагментов "Книги", относящихся к территории СССР. Это описание включено в список капудан-пашей, исполнявших должность в правление Мурада IV, оно доступно мне только в английском переводе [22, р.142-143]. Его следует воспроизвести без разрывов текста. Рассказ о сражении занимает более трети общего объема списка капудан-пашей, им ограничиваются все мероприятия Кара Мустафы пашы (здесь мог сказаться отбор фактов, связанных с его деятельностью), преемника Дели-Хусейн пашы на этой должности. Отсутствие здесь сведений о первом бое в Керченском проливе могло быть обусловлено именно тем, что Кара Мустафа паша в нем не участвовал. Вероятность того, что пролив здесь назван Черным морем слишком мала, т.к. Эвлия был достаточно близко знаком с топографией региона. Если же этот вариант все-таки прорабатывать, то получится, что казаки вошли в лиман через какое-то из устьев Кубани, выходящее в Таманский залив.

"Его преемником был Кара Мустафа паша, албанец по рождению, получивший образование в Йенисарае. Во время осады Багдада он был заместителем Пияле по арсеналу (Терс-хане) и крейсировал в Черном море с двумястами кораблями султанского флота. Во время этого похода он столкнулся с двумястами лодками казаков, семьдесят из которых вместе с гетманом он захватил. Остальные спаслись ночью и укрылись в камышах и болотах реки Кубани. Пияле паша преследовал их и закрыл вход в реку, но неверные перенесли свои лодки через сушу, пока Пияле тщетно ожидал их появления. В конце концов наместник Очакова Хаджи Кенан паша и татарский хан сообщили ему о системе действий неверных, после чего он поднял якорь, обошел вокруг острова Тамань и запер протоку, по которой казаки собирались спастись. Будучи окруженными на суше Хаджи пашой и татарским ханом, казаки сделали лагерь из своих лодок в устье реки и защищались в течение семи дней и ночей. Эту битву и сейчас еще помнят под названием Адахунской. В конце концов не спаслась ни одна лодка и все они были проведены с триумфом в Константинополе с опущенными крестами их флагов, а весь флот бросил якоря напротив арсенала. Вести об этой победе придали новой храбрости войскам занятым осадой Багдада" [22, р.142-143].

В связи с этим следует обратить внимание на полную достоверность информации другого целостного описания похода и сражения из статейного списка русского посланника Дорофея Остафьева, где сообщается: "Да 147 году, сентября в 3 день, посланником Дорофею Остафьеву, Олферью Кузовлеву сказывали переводчик Билял Безергинев да толмач Лазарь Алышов про тех казаков, которые были на море, пришли де было те казаки из Азова, хотели взять город Табан, а было казаков 30 стругов, а людей было 1600 человек, и подметил де их на море каторжной Пяла князь, и, подметя, послал весть к царю, и царь по той вести пришел к морю на берег, к тому месту, где чаять казаков на море, бился и загнал их в морскую заливу на остров, и к ним приступал, и куды из залива проход в море, и то место каторжной князь загородил каторгами, и казаки де, дождався ночи, струги свои на себе переволокли в море и не угодили под Азов уйти, прошиблись промеж Керчи и Тамани и зашли в другом месте в морскую заливу в Духоню; и на берегу де у той заливы стоит город Кызылбаш, турецкого царя, а около того города были запорожские черкасы, и видя, что им детца негде, убояся, учали переметываться к царю и к туркам; а казаки де, дождався ночи, оружие все пометали в воду, и сами пошли в рознь на берег, и иные де ушли к Азову, а иных поймали по лесом и по камышу черкасы и татаровя, и говорят де татаровя и черкасы... добре много, давно де такого побою не бывало" [17, с.182-183, прим.].

Ценно то, что здесь говорится о двух заходах казачьей флотилии в лиман, причем второй раз уже после перекрытия протока, ведущих в Азовское море. Допустимо, что перетаскивание стругов на руках шло из Ахтанизовского лимана в Таманский залив.

Рассказ о сражении у устья Кубани, представленный в "Истории Османской империи Й.Хаммера [24, S.269-270; 25, р.361-362] (в более кратком варианте - в аналогичном сочинении Й.В.Цинкайзена [30, S.517]) представляет собой компиляцию из нескольких турецких хроник: Мустафы Наимы, "Истории войны на море" Хаджи Хальфы и других. Уже упоминалась возможность смешения в этом тексте сообщений о разных событиях. Главное, что в них не соответствует этому сражению - это дата, 4 августа 1639 г. (4 раби уль-ахир 1049 г.х.). В.Н.Королев даже предположил, что "ошибки принадлежат, видимо, не хронистам, а Хаммеру и Цинкайзену" [12, с.27]. Однако такого рода просчеты едва ли были свойственны немецким ориенталистам прошлого века, тем более - в пересчете дат с хиджры. Кроме того у них указывается, что Пяле привел в Константинополь пленных и захваченные суда за несколько дней до возвращения Мурада IV из похода на Багдад, а в конце Адахунского сражения осада еще шла, и известие о победе воодушевило осаждающих, туда же были доставлены и трофеи. Багдад действительно был захвачен в 1638 г., но боевые действия продолжались и после взятия города [28, р.211]. Война с Персией закончилась подписанием Касре-Ширинаского мирного договора только 17 мая 1639 г. [9, с.186, 476]. Сам султан Мурад IV вернулся в Багдад только в 1639 г. [21, р.161]. Следовательно, речь вполне может идти о другом походе, не получившем достойного отражения в русских источниках. От первой половины 1639 г. (вплоть до осени) сведений о действиях казаков в "Донских делах" действительно очень мало, на недостаток информации жаловался и воронежский воевода М.А.Вельяминов [7, Кн.1, стб.869]. Причина отсутствия таких сведений вполне прозрачна. Уже с осени 1638 г. в царских

грамотах Войску регулярно повторялось одно и то же предписание. В случае набегов татар и ногайцев на окраины государства казаки должны были преследовать их на всех путях, за что и давалось государево жалование: "А [какъ] вы бѣ, атаманы и казаки, однолично намъ служили, надъ крымскими і надъ нагайскими людьми, будетъ они [ныне] въ наше государство войною пойдутъ, въ дороге, и на скмахъ і на рекахъ по перелазомъ, и надъ ихъ юрты промышляли всякими мерами накрепко съ великимъ радениемъ, сколько милосердый Богъ помочи подасть, чтобъ вамъ однолично надъ ними и надъ ихъ юрты поискъ учинить, и въ наше Московское государство ихъ не пропустить, і нашихъ украинскихъ городовъ и уездовъ повоевать, и селъ и деревень жечь, и людей побивать і въ полонъ имать не дать, и темъ бы вамъ къ намъ, великому государю, службу свою и раденье однолично совершенно показать. А мы, великий государь, за ваши службы и раденья, пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службе и раденью..." [7, Кн.1, стб.842-844, 850-852]. Для того, чтобы показать свое рвение в исполнении поставленной задачи (и, следовательно, отчитаться за получаемое жалование) казакам было выгоднее скрывать сведения о морских экспедициях.

Но о том, что поход в августе 1639 г. все же был, сведения сохранились, но в отписке не Войска, а воронежского воеводы М.А.Вельяминова от 31 августа 1639 г. [7, Кн.1, стб.867-868]. В связи с прикличкой к Азову ногайцев в ней говорится, что "...атаманы и казаки техъ аманатовъ мурзъ и тотаръ не взяли, а сказали имъ, что они, атаманы и казаки, техъ мурзъ и тотаръ въ Азовъ въ аманаты принять безъ твоего государева указу не смеютъ, и от нихъ боятца обманы, потому де, государь, что многие атаманы и казаки изъ Азова пошли на море, а иные де атаманы и казаки изъ Азова разъехали по нижнимъ и верхнимъ казачьим по городкомъ" [7, Кн.1, стб.868]. Эти сведения были получены за 12 дней до 31 августа, т.е. 19 августа, в казачьем городке Кременных. Следовательно, в Азове такая ситуация имела место еще несколькими днями раньше, что близко к сообщениям турецких хроник. В пользу датировки 1639 г. событий, описанных Й.Хаммером, свидетельствует также близкое соответствие численности двух казачьих флотилий тем, которые действовали на море в это лето (12 и 32) [11, с.47; 26, р.159].

Однако в начале того же отрывка сочинения Й.Хаммера говорится, что победа турок имела место в то же лето, что и поход Мурада IV на Багдад [24, S.269], что свидетельствует в пользу отнесения по крайней мере части информации к сражению 1638 г. Тем не менее в совокупности с несоответствием многих деталей похода точная дата возвращения турок делает отнесение информации к 1638 г. крайне сомнительным. Впрочем, каждый читатель может сам определить степень достоверности источника. Перевод здесь дается с учетом немецкой и французской версий издания, которые отличаются очень незначительно, а большая часть разночтений имеет эмоциональную окраску. Ссылки даны только в немецком тексте, они позволяют предполагать, что события 1638 г. упоминаются только в сочинении Дерсебле. Уточнения из французского перевода могут быть дополнениями на основе данных Эвлии Челеби и, следовательно, также относиться к боевым действиям 1638 г. (В текст вставлены ссылки, сделанные Й.Хаммером).

"В течение этого же лета и похода Мурада на Багдад командующий Арсеналом во главе флота из 40 галер одержал победу над казаками на Черном море. Переправив татар во главе с ханом Бехадыр Гиреем через пролив Забах (Sabacz) , который называется Хан-Геджиди (Ханский Брод) , на остров Тамань, он ушел в Керчь [Derseble S.668 und Hadschi Chalfa's Geschichte der Seekriege B1. 51]. В это время 53 чайки с экипажем из семнадцати сотен казаков мимо Тамани и Соляного мыса пришли в Чочук, где они высадились на берег, но были отбиты каффинским бейлербеем Юсуфом, который отразил нападение при помощи командующего Пияле. Побежденные казаки укрылись в заливе Arhun (Адахун -?) в устье Кубани. Неутомимый Пияле закрыл вход в залив укреплениями, а затем вызвал из Керчи 15 грузовых судов (тунбасов) и 40 лодок (барок) , с которыми он атаковал чайки, пять чаек остались во власти победителей, пять сотен казаков были убиты или утонули, остальные поплыли вверх по Кубани. Пияле загрузил солдатами и артиллерией еще двадцать грузовых судов и пять захваченных у казаков чаек и вновь атаковал казаков. Это найденное устье реки, защищаемое редутом, протекало в топях, окаймляющих его берега . Когда казаки обнаружили, что выход из реки укреплен, они укрылись в зарослях камыша, однако здесь они также были атакованы Пияле; настигнутые в этом последнем пристанище, они были уничтожены, за исключением 250 человек . Пленных с тридцатью чайками победоносный Пияле привел в Константинополь [Naima S.669 und Hadschi Chalfa's Geschichte der Seekriege B1. 52. Feflike B1. 344], куда он прибыл за несколько дней до возвращения Мурада (4 раби уль-ахир 1049 - 4 августа 1639 г.) [Naima S.681]. Скоро пришла новость, что те же прибрежные районы были разорены 10 новыми чайками. По султанскому ферману Пияле тотчас вышел в море, прибыл в Очаков и укрепил его, отправился на поиски казаков и встретил их у острова Тендера (Tontara) , захватил чайки, освободив пленных женщин и детей, и вернулся в Константинопольский арсенал в начале осени [Naima S.681]" .

Реконструкция событий (рис.1) не может быть сделана однозначно, поэтому пытаюсь оговаривать альтернативные варианты.

14 июля 1638 г. эскадра из 40 стругов вышла из Азова, имея целью атаковать турецкие корабли в Керченском проливе. Для того, чтобы добраться до пролива казакам требовались 2-3 дня. В любом случае первое столкновение состоялось не позже 20 июля, т.к. вернувшемуся стругу (попорченному) потребовалось бы не менее 3 дней на обратную дорогу, а он успел ко времени составления войсковой отписки, 23 июля.

Альтернативный вариант - сначала обход казаками Таманского полуострова через лиманы с последующей атакой турецких кораблей в проливе. Это потребовало бы больше времени. Такая последовательность действий выглядит нелогичной, но тогда получается близкое соответствие описанию турецких хроник. В начале этого столкновения могла иметь место попытка казаков приблизиться к крепости Тамани (что Дорофей Остафьев и его информаторы приняли за попытку захвата города) , а вечером - высадка на косе Чушка. После этого казаки могли уйти в лиманы через Субботин ерик или Шемарданский рукав.

После первого дня сражения казаки отступили вдоль берега к Азовскому морю,

а турки - вышли в Черное море. На следующий день сражение возобновилось и длилось значительную часть дня (или дольше). Далее происходит разрыв в поступлении русской информации.

Скорее всего, после не менее, чем двух дней сражения в проливе, казачья эскадра предприняла попытку обойти полуостров и выйти в Черное море через Кизилташский (Адахунский) лиман. С этого момента, видимо, начинается описание кампании Кара Мустафы паши у Эвлии Челеби. Столкнувшись с сильным турецким флотом в Черном море недалеко от крепости Кызыл-таш, казаки вернулись в лиман, перетаскивая струги через косу. Не исключено, что в этот момент была плохая погода, что также могло стать причиной захода в лиман.

Последующие события описываются в "Особой повести", начиная с фразы "от хуртины зашли в лиман, покамест Бог милость установит свою". В течение трех дней переговоров (казаки в это время, вероятно, стояли в верхней части Кизилташского лимана) были перекрыты 3 протоки, ведущие из Ахтанизовского лимана в Азовское море: две вокруг острова Темрюка и Пересыпское гирло (третьей также могло быть Кизилташское устье). Турецкий флот за это время занял позиции у побережья Темрюкского залива и в Керченском проливе.

На четвертый день татары и турки атаковали казаков. После непродолжительного сражения казаки попытались прорваться в Азовское море, но не смогли, т.к. протоки были закрыты.

Четко синхронизируются описания в "Особой повести" и статейном списке Дорофея Остафьева: "... и къ третиему приидоша. И войсковыя мочи не стало..." и "не угодили подъ Азовъ уйти, прошиблись промежь Керчи и Тамани". В.Н.Королев посчитал, что казаки не могли спутать Керченский пролив со входом в Адахун [12, с.29]. Однако события, видимо, происходили именно так, только казаки не спутали устье с проливом, а были вынуждены обстоятельствами пробиваться "домой" через Субботин ерик и Таманский залив, т.к. другого пути не было.

После первой неудачной попытки выйти в Азовское море казаки прошли в Таманский залив, но столкнувшись и здесь с турецким флотом и сухопутными силами, вынуждены были вернуться в Ахтанизовский лиман. Если верить Дорофею Остафьеву, возвращались они другой протокой, следовательно, Шемарданским рукавом (или наоборот: туда - по Шемарданскому, а обратно - по Субботину). Эти маневры после переговоров могли занять еще 1 день. (Есть очень небольшая вероятность прорыва в Черное море и последующего захода в Кизилташское гирло. Это соответствует сведениям Д.Остафьева, но резко противоречит тому, что в тот момент казаки уже знали о закрытии пути в Азовское море через лиманы).

Снова оказавшись в Ахтанизовском лимане, казаки вытащили струги на берег и сделали из них укрепленный лагерь недалеко от крепости Адахун (предположительно, Ахтанизовского поселения 4) [16, Т.1, с.353-357]. Около 250 человек защищали лагерь (и были взяты в плен), а остальные попытались вернуться в Азов небольшими группами. Незадолго до этого перешли на сторону турок находившиеся в составе морского войска запорожцы. Оборона лагеря длилась 7 суток (Эвлия мог преувеличить этот срок).

При рискованности доверия ко всем источникам получается, что первый бой в проливе шел 2 дня, затем 1-2 дня потребовались бы на обходной путь к Кизилташскому гирлу, затем 3 дня на переговоры, 1-2 дня на попытку прорыва в Азовское море и возвращение в Ахтанизовский лиман, затем 7 дней на оборону лагеря. Всего - 14-16 дней.

1 августа утром крымский хан уже подступил к Азову (если верить "Особой повести"). Поскольку он двигался по суше с армией, ему на дорогу к Азову должно было потребоваться не менее 3 дней. Следовательно, Адахунское сражение закончилось не позднее 29 июля. Тогда события должны были происходить по самой сжатой схеме.

14-15 июля - путь к Керченскому проливу, 16-17 июля - бой в проливе, 18 июля - выход к Кизилташскому гирлу и отступление, 19-21 июля - переговоры с крымским ханом, 22 июля - попытка прорыва в Азовское море, выход в Таманский залив и возвращение к крепости Адахун, 23-29 июля - оборона лагеря и попытки возвращения небольшими группами, 29-31 июля - путь крымского хана к Азову.

Не смотря на видимую "стройность" таких хронологических штудий и реконструкции событий, читатель может легко представить себе другие варианты синхронизации сведений разных источников, а также и другую длительность событий.

Например, крымский хан мог отправиться к Азову раньше, чем были уничтожены или захвачены последние обороняющиеся казаки. Все маневры во время отступления (Кизилташский л. - Ахтанизовский л. - Темрюкский залив - Ахтанизовский л.) могли в принципе быть проведены в течение остатка 3-го дня переговоров с татарским ханом. Выход к Кизилташскому гирлу мог быть сделан уже в течение второго дня сражения в проливе и т.п.

При синхронизации, начало переговоров в "Особой повести" может соответствовать переходу запорожцев на сторону турок в статейном списке Дорофея Остафьева. Начало сражения в Керченском проливе по переписке Войска с Москвой вполне может соответствовать началу действий Кара Мустафы паши, по Эвлии Челеби, или Пияле, по статейному списку. Все эти дополнительные версии будут оставаться предположительными, как и основная, а читатель, имея под рукой тексты всех использованных источников, сам сможет просчитать альтернативные варианты. Кроме того возможно совершенствование исследования путем рассмотрения самих источников, а не их публикаций (только "Донские дела" и "Особая повесть" изданы безупречно). Допустимо и обнаружение новых источников.

Потери для казаков были ошеломляющими. На последующей активности морских походов казаков поражение сказалось, но не слишком существенно. Но главный результат Адахунского разгрома очень ярко проявился через 3 года, во время Азовского Осадного Сидения. Даже сразу после Адахунского сражения казаки решительно отказались обменять крепость Азов на пленных, прекрасно осознавая, что в этом случае они потеряют и то, и другое. В 1641 г. также казаки уже точно знали, что ни на какие переговоры с татарами и турками идти нельзя, а рассчитывать можно только на себя, свое оружие и активные действия. В результате во время Азовского осадного сидения турки не смогли выполнить довольно простую задачу,

которую нельзя даже назвать взятием крепости. От них требовалось спуститься на пойменный участок долины Дона, где на площади около 5 га находились руины совершенно разрушенного артиллерией Азова и скрывающиеся в окопах и грудах камней казаки. Увы, за этот "дипломатический опыт" казакам пришлось дорого заплатить во второй половине июля 1638 г. Впрочем, значительно дешевле, чем всей огромной стране за опыт десяти лет оккупационного режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Не вполне понятно, почему В.Н.Королев исправил дату начала похода (14 июля), указанную А.С.Орловым [13,с.15], на 13 июля [11,с.45; 12,с.27]. В действительности посольство Осипа Лосева отправилось из Азова 24 июля [стб.828, 830], а флотилия вышла в море десятью днями раньше, т.е. 14 июля. Дата выезда посольства может быть определена двумя способами. Оно прибыло в Москву 9 августа, через 16 дней после отправления [7, Кн.1, стб.828], следовательно, выезд приходится на 24 июля. Турецко-татарские войска должны были осадить Азов на следующий день после отправления посольства, 25 июля в среду [7, Кн.1, стб.830], что подтверждает предыдущую дату.

2. Вопреки мнению В.Н.Королева [12,с.28], это общая численность турецкого флота на Черном море, а не участвовавший в Адахунском сражении, что уменьшает противоречия в источниках.

3. Опять же, вопреки мнению В.Н.Королева, не Пияле выступил в роли информатора, а местные знатоки тактики казачьего флота.

4. Вероятно происходит от названия Забахского (Азовского) моря в итальянских источниках XIII-XV вв.

5. Эта фраза есть только во французском издании.

6. В обеих версиях указывается число взятых в плен, а не убитых, как в тексте В.Н.Королева [12, с.31].

7. У В.Н.Королева говорится, что в этот день произошел решающий бой в лимане [12,с.27], что не соответствует действительности.

8. Пользуюсь случаем выразить благодарность Г.Л.Новиковой и Э.Л.Паниной за перевод немецкого и французского текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ààùàè, ààèèàdòù è èàdà-àààòù à èçààndòyò ààdñiàèñèò ààdòdìà XIII - XIX àà. / Nñò., òdà., àñdòbiè. Á.É.Ààdààííàà. Íàèù-èè, 1974.*
2. *Àèàèièè Á.Ñ. Ààíìòdòíèiàèy è ìñíàíúà ìíàíòù ààíèiàè-àñéiè èñdòdèè ièçí-àùà dèè Èóààíè à ñçàí-à-dàààdòè-ííà àdàìy. Òdàù Èóààìñèàí ñàèùñè òí çyè-ñdààíííàí èíñdèdòdà. Èdàñííàd, 1954. Áùí.1 (29).*
3. *Àíòò-àdñéíà Ò.Á., Èààííà Á.Á. Ààèùò à Èóààíè. Èíñdòíà-íà-Áííò, 1979.*
4. *Àíéòdòàíàèèè Ñ.Ò. Íùò àíññòdàíèàèéy ààèùòà Oàìàíñèiàí ñèóíñdòdàà ìdè-*

- ιδιέδοαεύιτ ē γιτδᾶ Ἰδδᾶαίῖα ē ἱτῆαίῖαεῶαίό ἀδδᾶίῖαε // Çàìèñèè Ḥāāāđī-Ēāāēāç-ñēīāī ēđāāāīāī íá ùāñḡāā àđđāī ēīāēē, èñḡōīđēē ē ýōíīāđāōēē. Ðīñḡōīā-íā-Āííó, 1929-30. Ēí.1 (Ò.3). Āūī.5-6.
5. Āíđīíā Ā.Ā., Īāđīíā B.Ī. Ēīēāēēçāōēý ñđāāíāāēīāīāī āīđīāā Òāīđḡēā // ḤĀ, 1987. N4.
6. Āāđō Ē. Āđḡāīēīāē÷āñēāý òīīāđāōēý Òāīāíñēīāī īēōíñḡḡīāā. Ī., 1870.
7. Āííñēēā āēā. ḤĪā., 1898. Ēí.1. (= Ðḡññēāý èñḡōīđē÷āñēāý áēāēēīđāēā. Ò.18). 1907. Ēí.2.
8. Āāīēēāñēēē Ī.B. Ēññēāāīāāīēý ī ēóāāíñēīē āāēūōā // Çàìèñèè èīīāđāōīđñēīāī Ðḡññēīāī āāīāđāōē÷āñēīāī íá ùāñḡāā. Ḥíā., 1869. Ò.2.
9. Ēñḡōīđēý Ēđāíā / Āāō.Ý.Ā.Āđāíōīāñēēē ē āđ. Ī., 1977.
10. Ēī đ īēāā Ā.Ī. Ēóāāíñēēē íóōū āūōī āā āīīñēēō ēāçāēīā ā ×āđīā īīđā (XVI-XVII āā.) // Ēç èñḡōīđēē íāēāóíāđīāíūō òōíīōāíēē ā Īđē÷āđīīīđūā: Āíēē. I ē II íāēāōç. íāō÷. ēīíō. "Íāēāóíāđīāíūā òōíīōāíēý ā āāññāēīā ×āđīīāī īīđý ā āđāāíīñḡē ē ñḡāā. āēēā". Ðīñḡōīā-íā-Āííó, 1986. (Āāīīēēđīāāíā ā ĒÍĒÍÍ ÐĀÍ. Øēōđ: Āāī.26237).
11. Ēī đ īēāā Ā.Ī. Īññēēā ēāīīāíēē āīīñēēō ēāçāēīā 1637-1641 āīāīā // Ēçāāñḡēý Ḥāāāđī-Ēāāēāçñēīāī íāō÷īīāī òāíōđā Āūñḡāē øēīēū. Íāūāñḡāāíīūā íāōēē. Ðīñḡōīā-íā-Āííó, 1986.- ¹1.
12. Ēīđīēāā Ā.Ī. Āāōóíñēīā ñḡāēāíēā // Ēçāāñḡēý āóçíā. Ḥāāāđī-Ēāāēāçñēēē đāāēī-í. Íā ùāñḡāāíīūā íāōēē. Ðīñḡōīā-íā-Āííó, 1993. ¹1/2.
13. Īñīāý īīāāñḡōū íā Āçíāā 1637-1641 āā. / Ēçā. ē ēīīī. Ā.Ḥ.Īđēīāā. Ī., 1907.
14. [Íāēēāñ Ī.Ḥ.] Ðāçíūā çāīā÷āíēý, ēāñāōāēūíūā āī īñḡḡīāā Òāīāíā // ÇÍĒĀ, 1877. Ò.10.
15. Íāēēāñ Ī.Ḥ. Īīāçāēā āī āíōđḡāíīñḡōū Ēđūīā āāīēū Ēāđ÷āíñēīāī īēōíñḡḡīāā ē íā īñḡḡīā Òāīāíū // ÇÍĒĀ. Íāāñā, 1883. Ò.XIII.
16. Íāđñīā B.Ī. Āđāī ēīāē÷āñēāý ēāđō ā Òāīāíñēīāī īēōíñḡḡīāā. Ī., 1992. 2 Ò. (Āāīīēēđīāāíā ā ĒÍĒÍÍ ÐĀÍ, Øēōđ: Āāī. N47103).
17. Ḥóōīđōēīā Ā.Ā. Ēñḡōīđē÷āñēīā īēñāíēā Çāīēē Āíēñēā Āííñēīāī. 2-ā ēçā. Īīāī÷āđēēāññē, 1903.
18. Ýāāđīēōēēē Ā.Ē. Ēñḡōīđēý çāīīđīā ñēēō ēī çāēīā. ḤĪā., 1895. Ò.2.
19. Ýāēēý ×āēāē. Ēīēāā íōđāōāñḡāēý. (Ēçāēā÷āíēý ēç ñī÷ēíāíēý òōđāōēīāī íōđā-øāñḡāāíīēēā XVII āāēā). Ī., 1979. Āūī. 2. Çāīēē Ḥāāāđīīāī Ēāāēāçā, Īīāīēāýý ē Īīāííūý.
20. Bagrow L. A Russian communications map, ca.1685 // *Imago Mundi. A Review of early cartography*. Stockholm; Leiden, 1952. Vol.IX.
21. Eversley I., Chirol V. The Turkish empire from 1288 to 1914 and from 1914 to 1924. L., 1924.
22. Evliya Efendi. Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the seventeenth century. L., 1846. Vol.1. P.1.
23. Ewlija Czelebi. Kniega podrozy Ewliji Czelebijego (wybor). Warszawa, 1969.
24. Hammer von J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1829. Bd.5.
25. Hammer J. de. Histoire de Ottoman empire. Paris, 1837. T.9.
26. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi. Documents concernant l'Empire Ottoman et l'Europe orientale. / Presante par A.Bennigsen, Perlev Naili Boratav, Dilek Desai, Ch.Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978.
27. Kohlin H. Some remarks on maps of the Crimea and the Sea of Azov // *Imago Mundi. A Review of early cartography*. Huges, 1960. Vol.XV.

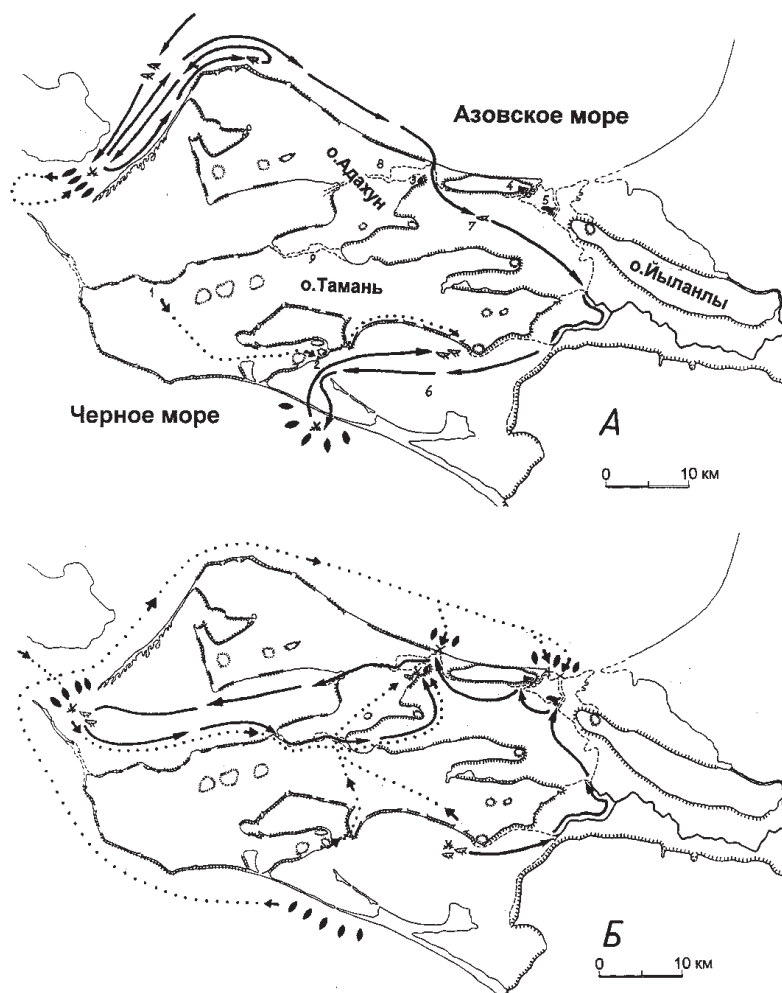

Рис. 1. Наиболее вероятная последовательность боевых действий в июле 1638 г. А - начало похода, до переговоров казаков с крымским ханом; Б - заключительная часть похода, от нападения на казаков после переговоров до высадки на берег у крепости Адахун. Длинные стрелки - движение казаков; точечная линия и короткие стрелки - движение турецкого флота и татарских сухопутных сил. 1 - крепость Тамань; 2 - крепость Кызыл-таш; 3 - крепость Адахун (предположительно); 4 - разрушенная крепость на месте ст. Голубицкой; 5 - крепость Темрюк; 6 - лиман Адахун (совр. Кизилташский); 7 - совр. Ахтанизовский лиман; 8 - Субботин ерик; 9 - Шемарданский рукав.

- 28. Syes P. *A history of Persia*. L., 1921. Vol.2.
- 29. Witsen N. *Noord en Oost Tartarye, ofte fongigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest*. Amsterdam, 1692. T.2. S.398.
- 30. Zinkeisen J.W. *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*. Gotha, 1856. Bd.4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АП Археолопчи пам'ятки, Кив
ВАА - Вопросы археологии Адыгеи.
ВДИ - Вестник древней истории.
ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.
ГАРО - Государственный архив Ростовской области.
ДСКП - Древности Северного Кавказа и Причерноморья, М. МИА -
Материалы и исследования по археологии СССР, М.-Л. МСБУ - Межплеменные
связи эпохи бронзы на территории Украины, Киев. КСИА - Краткие
сообщения института археологии, М. КСИИМК - Краткие сообщения
института истории материальной культуры, М.
ЗРАО - Записки Русского археологического общества.
КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института
археологии Академии наук СССР.
КСИИМК - Краткие доклады и сообщения Института истории историчес-
кой культуры
КГПИ - Краснодарский государственный педагогический институт
ИАК - Известия Императорской археологической комиссии.
МАР - Материалы по археологии России.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК - Материалы по археологии Кавказа.
МИСК - Материалы по истории Ставропольского края.
ОАК - Отчеты Археологической комиссии.
ПАВ . Петербургский археологический вестник
ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.
РА - Российская археология.
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников.
СМОМПК - Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
СУ - Саратовский университет
СЭ - Советская этнография.
Тр. ИО АН СССР - Труды института океанографии Академии наук СССР.
Тр.АС - Труды археологического съезда.
Тр.ГИМ - Труды Государственного исторического музея.
ТХАЭЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

СДАНО В НАБОР 12.04.00. ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 25.04.00.
ГАРНИТУРА АРИАЛ. ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. УСЛ. П.Л. 4,8.
ЗАКАЗ 387. ТИРАЖ 100 ЭКЗ.